

Аркадий Подлипский

ВОЗМЕЗДИЕ

Судебный процесс в Витебске
над немецко-фашистскими
преступниками

Аркадий Подлипский

ВОЗМЕЗДИЕ

Судебный процесс над немецко-фашистскими
преступниками в Витебске

Витебск
Витебская областная типография
2013

УДК [343.337:344.3+94](476.5-25)(093)

ББК 67.412.1(4Бел)

П44

В книге использованы фотографии судебного процесса из фонда Витебского областного краеведческого музея

Подлипский, А. М.

П44 Возмездие : судебный процесс над немецко-фашистскими преступниками в Витебске / Аркадий Подлипский. — Витебск : Витеб. обл. тип., 2013. — 64 с. : ил.

ISBN 978-985-534-042-4.

Судебный процесс в Витебске над немецко-фашистскими преступниками — один из многих, которые проходили в первые послевоенные годы в СССР. В книге приводятся документальные материалы и воспоминания жителей Витебщины, свидетельствующие о преступлениях немецко-фашистских оккупантов.

Книга рассчитана на школьников, студентов, всех, кто интересуется историческим прошлым Витебщины и Беларуси.

УДК [343.337:344.3+94](476.5-25)(093)
ББК 67.412.1(4Бел)

ISBN 978-985-534-042-4

© Подлипский А. М., 2013

© Оформление. УПП «Витебская областная типография», 2013

Предисловие

20 ноября 1945 г. в германском городе Нюрнберге — месте, где зародилось германское национал-социалистическое движение, — начался судебный процесс над главными нацистскими военными преступниками. Их судил Международный военный трибунал. К ответственности было привлечено 19 высших военных и государственных деятелей фашистской Германии, которые к тому времени оказались в руках союзников: Геринг, Кейтель, Розенберг, Рибентроп, Франк, Кальтенбруннер, Фрик, Бормай, Заукель, Зейсс-Инквар, Йодль, Штрайхер, Функт, Гесс, Редер, Шпеер, Ширах, Шахт и другие. 12 первых из них были приговорены к смертной казни, остальные — к длительным срокам или к пожизненному тюремному заключению. Кроме того, Международный военный трибунал признал преступными следующие организации Германии: руководящий состав Национал-социалистической партии и охранные (СС) отряды этой партии, службу безопасности (СД), государственную тайную полицию (гестапо). Нюрнбергский процесс разоблачил сущность германского фашизма, его планы уничтожения целых государств и народов, опасность фашизма для всего человечества. Именно на этом процессе впервые во всемирной истории агрессия была признана тягчайшим преступлением против человечества.

Судебные процессы над нацистскими преступниками проходили и в других городах. В Витебске он проходил в конце ноября-начале декабря 1947 г. в тогдашнем здании драматического театра им. Якуба Коласа. Оно было построено в 1932 г. по проекту архитектора А. Васильева как клуб металлистов. Во время немецко-фашистской ок-

купации это здание входило в территорию гетто. Сразу после освобождения Витебска его стали восстанавливать для 2-го Белорусского государственного театра, который с 21 декабря 1944 г. стал носить имя Якуба Коласа, ибо довоенное здание театра было сильно разрушено. Выбор этого здания для организации процесса над немецкими военными преступниками был не случаен. К концу 1947 г. в городе, кроме этого здания, был восстановлен только кинотеатр «Спартак». Но он для этих целей явно не годился, так что выбора в общем-то не было.

Сейчас о витебском судебном процессе над немецко-фашистскими военными преступниками знают единицы, и, как правило, из старожилов. Но в свое время в городе и области едва ли был хотя бы один человек, который бы не знал о нем и заинтересованно не следил за ходом этого судебного процесса. У каждого был свой собственный счет к фашистам вообще, а у некоторых из жителей Витебщины — и к тем, которые сейчас оказались на скамье подсудимых.

«Неисчислимые бедствия и страдания причинила фашистская оккупация Витебской области, — встречаем в книге «Витебск. Историко-экономический очерк». — Общий размер нанесенного ущерба народному хозяйству составил 25 миллионов 259 тысяч рублей. Полностью было уничтожено 4852 здания промышленно-производственного назначения, и 31 здание частично повреждено. Сожжено 68331 жилой дом колхозников, 35040 хозяйственных построек колхозов. Немецко-фашистские захватчики полностью уничтожили вместе с оборудованием 18 электростанций, из которых 16 принадлежали колхозам, сожгли и взорвали 892 моста. Гитлеровцы сожгли и повредили 1076 школьных, 205 больничных и амбулаторных зданий, 378 детских учреждений, 1130 зданий театров, кино и клубов. Из 213 предприятий союзного и республиканского значения в области сохранилось только два. Из 3695 предприятий областного подчинения остались неразрушенными только несколько десятков. Полностью было истреблено поголовье общественного скота.

Особенно большие разрушения были нанесены Витебску, Полоцку, Орше, в которых уничтоженными оказались все промышленные предприятия и почти полностью жилищно-коммунальный фонд. На окраинах областного центра сохранилось всего 7 процентов жилого фонда.

В Витебске фашистские вандалы превратили в пепелища 44 крупнейших промышленных предприятия, все здания железнодорожного узла, взорвали пути, вокзал, мосты и виадуки. Страшный ущерб был нанесен культурно-бытовому и коммунальному хозяйству города: сожжены все кинотеатры и клубы, больницы и музеи, институты, техникумы, школы и магазины, разрушены водопровод, все бани.

Все это поддается подсчету. Но чем, какой мерой можно измерить ничем не возместимую гибель десятков тысяч человек? За годы оккупации на территории области гитлеровцы уничтожили свыше 244 ты-

ся мирных граждан, угнали на каторжные работы в Германию свыше 100 тысяч юношей и девушек. За годы оккупации население области уменьшилось в 2,7 раза. Только в Витебске фашисты истребили 62 тысячи мирных граждан и 76 тысяч советских военнопленных» [1].

Осенью 1947 г., почти год спустя, как завершился Нюрнбергский процесс, к судебному процессу над группой немецких военных преступников начали готовиться и в Витебске. Отчет о том, как проходила эта подготовка, а также докладная записка об итогах следствия сохранились в фондах Государственного архива Витебской области. Первый из них практически неизвестен и нигде не был опубликован. Вторая была опубликована в сборнике «Выстояли и победили: свидетельствуют архивы» (Вт., 2005) — малотиражном (125 экз.) издании витебских архивистов. Поэтому вторичная публикация этого документа дает дополнительную возможность ознакомления с ним. Столь же малодоступными сейчас являются и публикации в СМИ того времени — газетах «Віцебскі рабочы» и «Советская Белоруссия». Воспроизведение их дает представление о том, как проходил этот уникальный судебный процесс.

* * *

Сов<ершенно> секретно
Секретарю Витебского обкома КП(б)Б
товарищу Кудряеву

Докладная записка об итогах следствия по группе немецких военных преступников в гор. Витебске

После вероломного нападения на Советский Союз 22 июня 1941 года фашистские захватчики, воспитанные в духе звериной ненависти к народам Советского Союза, во исполнение преступных планов войны, разработанных преступным гитлеровским правительством и Генеральным штабом, поставившие своей целью установление на нашей земле фашистско-гитлеровского режима, истребление советских людей и беспощадное ограбление нашего социалистического государства, ввели немецкие законы и приступили к планомерному, массовому истреблению советских граждан и к грабежу. Под видом борьбы с партизанами расстреливали и вешали мирных граждан, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. Сжигали города, села и деревни, живо сжигали ни в чем не повинных людей. Советских граждан умерщвляли газами, ядами, морили голодом, заражали инфекционными болезнями, убивали больных, находившихся в лечебных заведениях. Зверски истязали и расстреливали десятки тысяч пленных Советской Армии. Сотни тысяч советских граждан угоняли в немецкое рабство. В оккупированных областях установили терро-

ристический режим, ввели телесные наказания, предоставили право полевым комендантам, генералам, офицерам и солдатам чинить суд, расправу и произвол над советскими людьми.

В период оккупации Белоруссии, этих черных дней для белорусского народа, немецкие захватчики причинили неисчислимые бедствия и страдания белорусскому народу. Вторгшись в пределы Витебской области, немецкие захватчики проводили неслыханные злодеяния. По материалам Государственной Чрезвычайной Комиссии, гитлеровцы и их сообщники убили и замучили в Витебской области 151421 советского гражданина, в том числе огромное количество малолетних и несовершеннолетних детей, больных, престарелых, убили и замучили 92891 военнопленного Советской Армии, угнали в немецкое рабство по специальному отбору немецких захватчиков девушек, женщин, мужчин и несовершеннолетних детей 68434 человека, разлучив их с семьями. В городе Витебске немецкие захватчики полностью разрушили жилой фонд и промышленные предприятия, уничтожив такие крупные заводы и фабрики, как станкостроительные заводы им. Кирова и «Коминтерн», трикотажные фабрики им. Клары Цеткин и «КИМ», обувную фабрику «Красный Октябрь», маслозавод, подстанции «Белгресс» и «Белэнерго». Сожгли и разрушили педагогический и медицинский институты, Дом Красной Армии, педагогическое училище, городской театр [2], здание телеграфа и другие крупные культурные и бытовые учреждения. В гор. Витебске разрушены и сожжены 8 церквей и собор — исторические памятники русской древности, построенные в XI—XII веках [3]. Уничтожили такие выдающиеся исторические памятники русского народа, как Покровский собор, Рождественская, Спасская, Ивановская и Петропавловская церкви. В колхозах Витебской области немецко-фашистские захватчики уничтожили и разрушили 46483 строения, из них 666 клубов и Красных уголков, 253 детских учреждения, 2828 зданий промышленно-производственного значения, 16 электростанций и подстанций. Вывезено в Германию и уничтожено на месте сельскохозяйственных машин, тракторов, автомашин, локомотивов — 51334 и большое количество сельскохозяйственного инвентаря. Вывезено в Германию и уничтожено на месте 185151 голова крупного рогатого скота, 102465 лошадей и огромное количество другого скота, птицы и сельскохозяйственных продуктов. Разрушено 11349 государственных предприятий, учреждений и общественных организаций. Их них 205 больниц, 1076 школьных зданий, 11 зданий научных учреждений, 111 библиотек, 3 музея и прочих строений. Государственной Чрезвычайной Комиссией общий ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками и сообщниками гражданам, колхозам, промышленным предприятиям, государственным и общественным организациям Витебской области установлен в размере 25259130 тысяч рублей.

Массовое истребление мирных советских граждан, в том числе детей, женщин и стариков, поджоги, разрушения городов и сел, грабежи и насилия, угон скота, вывоз промышленных предприятий, истязания советских граждан, создание невыносимого каторжного режима для насильно забранных на оборонительные работы граждан, умерщвление людей голодом, смерть от различного рода инфекционных заболеваний, вследствие невыносимых жилищных и антисанитарных условий, получение голодного пайка с примесью суррогата продолжались и с прибытием в октябре 1943 года 53-го армейского корпуса под командованием генерала пехоты Гольвитцер<a> и начальника штаба корпуса — полковника Шмидт<a>. Как установлено предварительным следствием, обвиняемые Гольвитцер, Хиттер, Мюллер-Бюлов, Шмидт, Дилльманн, Клуте, Рух, Буцбах, Гюнтер и Адам являлись активными участниками злодеяний, совершенных на оккупированной территории и на территории Витебской области.

Обвиняемый Гольвитцер, занесенный Государственной Чрезвычайной Комиссией в списки военных преступников, командуя 88 пехотной дивизией и дислоцируясь на территории Курской области, отдал приказ о насильственном изъятии посевов у советских граждан. Во исполнение этого преступного приказа частями 88 дивизии было отнято у советских граждан свыше 10 тысяч посевов зерновых культур. Уборка и обмолот производились мирными советскими гражданами в принудительном порядке, полученное от обмолота зерно забрано для нужд германской армии, а мирное советское население оставлено без хлеба. С июня месяца 1943 года Гольвитцер, будучи командиром 53-го армейского корпуса, выполнял приказ командующего Центральной группой войск фельдмаршала Клюге по строительству оборонной линии «Пантеры» протяжением в 550-600 километров от устья реки Припять до города Витебска. Для выполнения этой работы насильно мобилизовал до 200 тысяч мирных советских граждан — женщин, стариков и подростков, большинство которых было насильно согнано в лагерь. Получив от фельдмаршала Клюге приказ о срочном окончании строительства оборонительной линии «Пантеры» на участке Гомель, Чаусы-Горки, Дубровно-Рудня, Гольвитцер в каждом из указанных районных центров создал специальные лагеря, в которые насильно были заключены мирные советские граждане, а также военнопленные Советской Армии. Содержащиеся в этих лагерях мирные советские граждане и военнопленные работали на строительстве оборонительных укреплений по 10-15 часов в сутки, получая по 150 грамм<ов> хлеба и пол-литра недоброкачественного супа. Все они размещались под открытым небом в загоне, огороженном колючей проволокой. Для постройки укреплений разбирались десятки тысяч жилых домов и надворных построек, принадлежащих кол-

хозам и советским гражданам, что подтверждено актами районных комиссий и показаниями начальника штаба 53 армейского корпуса Шмидт<а>. Прибыв 1 октября 1943 года в район города Витебск<а>, Гольвитцер, командуя 53-м армейским корпусом, в состав которого до июня 1944 года в разное время входили 246-я, 256-я, 95-я и 206-я пехотные дивизии, 3-я, 4-я и 6-я авиаполевые дивизии, продолжал строительство укреплений в каждой дивизии, а также организовал лагеря, в которых содержалось от 800 до 1000 мирных советских граждан. Все эти граждане были заняты на строительстве оборонительных укреплений в непосредственной близости от линии фронта и нередко обстреливались ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем, подвергались непосильному физическому труду, избивались немецкими солдатами и офицерами, от голода и инфекционных заболеваний, а также каторжного труда — умирали. Об условиях содержания и издевательствах над советскими людьми в этих лагерях, допрошенные на следствии свидетели показали о чудовищных злодеяниях, творимыми немецкими солдатами и офицерами.

Доброшенная свидетельница Селезнева, содержавшаяся в лагере при 4-й авиаполевой дивизии, показала:

«Во время работы немцы без причин придирались к рабочим лагеря и тут же расстреливали. Помню такой факт: как-то нас заставили рыть траншеи. У работавшей со мной девушки сломалась лопата. Стоявший недалеко немец, увидев это, стал избивать девушку ногами, а потом отвел в кусты и расстрелял...»

Это обстоятельство подтвердили и свидетели Куриленко, Кублинская, Гусаков и другие.

Обвиняемый Рух, свидетель Гусаков и другие показали, что советские граждане в лагерях содержались в нечеловеческих условиях, размещались в шалашах, спали на земле, без постельных принадлежностей. Работали с 5 часов утра и до 6 часов вечера. Питание состояло из одного литра супа, хлеба не выдавалось. Содержавшиеся в лагере никуда не имели право выходить. В случае нарушения — расстреливались на месте. На работу выгонялись только путем избивания палками и прикладами. Больным не оказывалось никакой медицинской помощи. Рух, свидетель Гусаков в своих показаниях приводят многочисленные факты изнасилования советских девушек, содержащихся в лагере, немецкими солдатами и офицерами и расстрела их. Такие условия содержания советских граждан в лагерях были и в других дивизиях, подчиненных Гольвитцеру. Причем, как это видно из показаний обвиняемого Рух<а>, в приказе Гольвитцер<а>, который доводился до сведения солдат начальником лагеря лейтенантом Кронин<ым> и его заместителем лейтенантом Гофман<ом>, говорилось:

«Чтобы ликвидировать помощь партизанам со стороны мирного населения окружающих деревень и прекратить связь населения с

партизанами, насильно заключать граждан в лагеря и создавать нечеловеческие условия содержания, которые способствовали бы истреблению советских граждан...»

На территории Витебской области Гольвитцер вместе со своим начальником штаба полковником Шмидт<ом> дважды разрабатывали и передавали для исполнения подчиненным войскам приказы о принудительном угоне работоспособного советского населения на каторжный труд в Германию. Кроме того, Гольвитцер передавал к исполнению в подчиненные войска приказы, обязывающие личный состав расстреливать советских граждан, сжигать населенные пункты, изымать у мирных граждан скот и продукты. Под видом борьбы с партизанами проводить карательные экспедиции, расстреливать комиссаров Советской Армии и о переброске нетрудоспособного советского населения, преднамеренно зараженного тифом и другими инфекционными болезнями, через линию фронта в расположение советских войск с целью распространения инфекционных заболеваний в рядах Советской Армии и гражданского населения. Во исполнение этих преступных приказов Гольвитцер<a> соединениями и частями 53-го армейского корпуса под видом борьбы с партизанами систематически проводились карательные экспедиции. Имевшаяся в подчинении Гольвитцер<a> 53-я истребительная рота, которой командовал старший лейтенант Клуте, под видом борьбы с партизанами систематически проводила карательные экспедиции, во время которых сжигались населенные пункты, грабились и расстреливалось мирное советское население. Только в период с 12 октября по 14 ноября 1943 года на территории Богушевского и Сенненского районов Витебской области истребительной ротой Клуте проведено 6 карательных экспедиций, во время которых было расстреляно более 50 человек мирных советских граждан, разрушены артобстрелом и сожжены деревни Алексиничи, Борок, Земковичи, Константово, Кадуково, Стриги, Косовец, Шевино и Задорожье. О результатах проведенных 6 карательных экспедиций в каждом случае Клуте устно и письменно докладывал Гольвитцер<u> и Шмидт<u>, получая одобрение. За совершенные злодеяния был награжден Гольвитцер<ом> Железным крестом I класса и представлен к присвоению чина «старший лейтенант». Согласно преступным приказам Гольвитцер<a>, войсками 53-го армейского корпуса в период с апреля по июнь 1944 года из гор. Витебска и ближайших районов насильно угнано в Германию на каторжные работы 4800 человек советских граждан и около 12 тысяч человек нетрудоспособного населения согнаны в лагерь, размещавшийся на территории бывшего 5 железнодорожного полка, откуда угнаны к линии фронта в район Богушевска в качестве «живого заслона» для прикрытия отступления немецких войск и заражения Советской Армии, а также мирного населения тифом и другими ин-

фекционными заболеваниями. О нечеловеческих условиях содержания в этом лагере, отправке 12000 советских граждан на передовую линию фронта в качестве «живого заслона» показывают многочисленные свидетели.

Допрошенный по делу свидетель Соловьев Иван показал:

«В апреле 1944 года я и моя семья, состоящая из жены и четырех детей, болели тифом. Всех нас со станции Летцы привезли в Витебск и поместили в одну больницу, где мы находились без всякого лечения. В начале июня нас в числе других тифознобольных отправили на станцию Витебск, где погрузили в эшелон и отвезли на передовую линию фронта...»

Докрошенный по делу свидетель Журавский Александр показал:

«...В марте 1944 года немцами был водворен в лагерь смерти в гор. Витебск. В начале июня 1944 года в числе других 12000 человек был вывезен на передовую линию фронта, в Александровский лес, где немцами было уничтожено 4 тысячи человек, а остальные были выгнаны на линию фронта в качестве «живого заслона» и впоследствии оказались на стороне советских войск...»

По заранее разработанному Гольвитцер<ом> плану город Витебск и его окрестности задолго до отступления немецко-фашистских войск планомерно и систематические разрушались. В гор. Витебске были разрушены промышленные предприятия, жилой фонд, культурно-просветительные учреждения и памятники старины. Так, например, разрушены станкостроительные заводы им. Кирова, «Коминтерн», фабрика «Знамя индустриализации», вокзал, маслозавод, подстанции «Белпресс» и «Белэнерго», трикотажная и обувная фабрики, медицинский и педагогический институты, городской театр [4] и ряд других промышленных и культурно-бытовых учреждений. По приказу Гольвитцер<a> в мае-июне 1944 года в гор. Витебске были варварски разрушены и сожжены 8 церквей и соборов, являвшихся историческими памятниками русской древности, построенными в XI–XII веках, среди них уничтожены такие исторические памятники русского народа, как Покровский собор, Рождественская, Ивановская, Спасская и Петропавловская церкви [5]. Допрошенный на следствии священник Оберенко Гавриил показал:

«Немецкие оккупанты производили разрушение всех имеющихся в Витебске религиозных зданий. Я, как священник, более двух недель содержался в лагере смерти. 23 мая 1944 года в 16 часов от коменданта гор. Витебска получил телефонограмму — убрать вещи из Покровского собора, ибо последний в 18 часов будет взорван. Приказ о взрыве собора был в тот же день выполнен. Покровский собор был достопримечательностью прихожан и являлся историческим памятником русского народа, построенным 800 лет тому назад... [6]».

Отступая под ударами Советской Армии в июне 1944 года с терри-

тории Витебской области, части 53-го армейского корпуса по приказу Гольвитцер<а> на пути отхода сжигали населенные пункты, грабили и уничтожали мирное советское население. Допрошенная по делу свидетельница Вакар Мария из деревни Тассы Богушевского района показала:

«23 июня 1944 года, в момент отступления немецких войск, немцы зверски замучили мою мать и двух братьев. Матери было нанесено несколько ножевых ударов и разрезан живот. Брату Василию вывернули руки, на груди вырезали пятиконечную звезду и нанесли ножевые удары в голову. Тогда же немцами зверски убита гражданка Козлова Мария...»

Гольвитцер, являясь организатором и исполнителем перечисленных выше злодеяний, а с апреля 1944 года, будучи комендантом Витебского укрепрайона, несет полную ответственность за совершенные злодеяния не только войсками, входящими в состав 53-го армейского корпуса, но и разного рода жандармскими и другими подразделениями, а также за создание нечеловеческого режима и произвола, расстрела советских граждан и разрушения города Витебска, городов и сел Витебской области. Бесчинство и произвол немецких солдат и офицеров, расстрелы и умерщвление советских людей, разрушение городов и деревень в период командования 53-м армейским корпусом Гольвитцер<а> подтверждаются многочисленными свидетельскими показаниями и актами Чрезвычайной Государственной Комиссии.

Полковник Шмидт Ганс-Иоганн, состоя в должности начальника штаба 53-го армейского корпуса, принимал непосредственное участие вместе с Гольвитцер<ом> в разработке и передаче для исполнения подчиненным войскам преступных приказов о насильственной мобилизации мирных советских граждан для строительства оборонительных сооружений, принудительном содержании в нечеловеческих условиях мобилизованных в лагеря, уничтожении советских людей голодом, преднамеренном заражении инфекционными болезнями, расстрелах мирных граждан, под видом борьбы с партизанами — сожжении деревень и ограблении населения. Угон советских граждан в немецкое рабство, разрушение города Витебска и других городов и населенных пунктов Витебской области частями 53-го армейского корпуса производились по приказам, разработанным Шмидт<ом> и подписанным Гольвитцер<ом>. В марте 1944 года отправлено из города Витебска 4800 человек. В мае-июне месяцах 1944 года все нетрудоспособное население в количестве 12000 человек, в том числе больные тифом и другими инфекционными болезнями, были насильственно согнаны в лагерь смерти, размещавшийся на территории 5 железнодорожного полка. Шмидт совместно с Гольвитцер<ом> насильственно вывезли больных и нетрудоспособных граждан в рай-

он Богушевска на передовую линию фронта, где, по показаниям свидетелей Соловьева Ивана, Журавского Александра и других, около 4 тысяч были расстреляны и 8 тысяч были выставлены в качестве «живого заслона» для прикрытия отступления немецких войск и заражения <воинов> Советской Армии.

Лично Шмидт в октябре-ноябре месяце 1943 года с ведома командира корпуса Гольвитцер<a> разработал план 6 карательных экспедиций и последовательно отдавал приказы командиру истребительной роты — старшему лейтенанту Клите об их проведении. Направляя Клите в эти карательные экспедиции, Шмидт лично давал приказания расправляться с мирным советским населением, невзирая на пол и возраст. Исполняя эти преступные приказы, истребительной ротой под командованием Клите в октябре-ноябре месяце 1943 года провела 6 карательных экспедиций в Богушевском и Сенненском районах Витебской области. При проведении этих экспедиций под видом борьбы с партизанами расстреливались мирные советские граждане, сжигались населенные пункты, производились грабежи и насилие.

Хиттер Альфонс после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз в июне 1941 года, будучи командиром 178-го артиллерийского полка, вторгся в пределы СССР. С мая 1942 года по июнь 1944 года, будучи вначале в чине генерал-майора, а затем генерал-лейтенанта, Хиттер командовал 206-й пехотной дивизией, действовавшей в районах Молодой-Туд и Оленино Калининской области, Слободском и Демидовском районах Смоленской области и с осени 1943 года — в Витебской области. По преступным приказам Хиттера в местах дислокации дивизии создавались лагеря и тюрьмы для мирных советских граждан, учинялись расправы, грабежи и другие злодеяния. Летом 1942 года при штабе дивизии в деревне Кучино Молодотудского района производились расстрелы военнопленных Красной Армии и гражданского населения. Допрошенный по этому делу свидетель Васильев М.В. показал:

«Больше всех в нашей деревне Кучино стоял штаб немецкой дивизии. Немцы этого штаба арестовывали и расстреливали советских граждан. Из числа расстрелянных мне известны Боровиков Михаил, Некрасов Алексей. Расстреляны были они в июне или июле месяце 1942 года. Несколько дней спустя был также расстрелян житель деревни Попелово по имени Алексей. Немного позже была расстреляна учительница Гараевской школы. Кроме того, по приказанию генерала этого штаба расстреливали советских военнопленных».

В декабре 1942 года в связи с наступлением Красной Армии население деревни Кучино и окрестных деревень насильно было угнано в немецкий тыл, а имущество разграблено. Расстрелы мирных жителей, разграбление имущества, сожжение деревень и дислокация штаба 206 пехотной дивизии в дер. Кучино подтверждены многочислен-

ными свидетельскими показаниями как из числа бывших солдат этой дивизии, так и советских граждан (Демидовой А.А., Груздевой А.И., Никитиной А.Н., Демидовой А.П., Соколовой Н.Ф., Нигова Э.М., Проис К.К., Варковского и других). Кроме того, генерал Хиттер как командир дивизии опознан свидетелями Даниловым, Никоненко, Демидовой и Груздевой.

В марте месяце 1943 года при отступлении из Калининской области по так называемому плану «Движение буйволов» оставляемая дивизией территория по приказу Хиттер<a> превращалась в пустыню. Почти полностью были сожжены населенные пункты Кучино, Лисино, Дубовик, а всего по Молодотудскому району уничтожено 126 населенных пунктов, что подтверждается свидетельскими показаниями и актом Чрезвычайной Государственной Комиссии. В феврале месяце 1943 года по приказу Хиттер<a> была насильно угнана на каторжные работы в Германию со сборного пункта Оленино 1000 человек. В мае 1943 года во время дислокации дивизии в Слободском районе Смоленской области все трудоспособное население деревень Воробы, Холм, Петровское и других насильно было согнано в рабочие батальоны для строительства оборонительных сооружений. Осенью 1943 года по приказу Хиттера<a> под видом борьбы с партизанами была проведена карательная экспедиция в деревнях Осташево и Запоженки Лиозненского района Витебской области, во время которых деревня Осташево была полностью уничтожена, 113 мирных граждан, в том числе старики и дети, были согнаны в 3 сарая и заживо сожжены. Будучи допрошен по этому вопросу, свидетель Даниленко А.Н. 23 октября 1947 года показал:

«27 сентября 1943 года в деревню Осташево прибыла немецкая воинская часть. Немцы окружили деревню, чтобы жители не могли уйти из нее. Однако часть жителей, в том числе и я, убежали из деревни в лес. На следующий день немцы собрали всех жителей и заперли в 3-х сараях. Когда мы пришли на место, где была деревня, то застали только пепелище. Все было сожжено и уничтожено. На месте сарая и санного сарая были обнаружены груды обгоревших человеческих трупов. В этих трех сараях сожгли 113 человек. Из них 70 из деревни Осташево, 40 из деревни Запоженки и 3 человека из дер. Колышев».

В октябре-ноябре 1943 года за отказ эвакуироваться в деревне Васюты, где дислоцировался штаб дивизии Хиттер<a>, были расстреляны Конюхов Николай, Конюхова Нина и 80-летний старик Конюхов Петр из деревни Лесосино. Созданные рабочие батальоны при 206 пехотной дивизии из насильно мобилизованных советских граждан насчитывали до 1200 человек, в числе их были женщины, дети, а на окраине города Витебска в апреле 1944 года при дивизии был создан лагерь для советских граждан, насчитывавший до 400 человек. Как в лагере, а также и в батальонах советские граждане содержались в

невыносимо тяжелых условиях: без крова и пищи, выгонялись на работу по сооружению укреплений в зоне артиллерийского и пулеметного огня. Имели место случаи гибели советских граждан, работавших в зоне артиллерийского и пулеметного огня. Использование содержащихся в лагере граждан в зоне артиллерийского и пулеметного обстрела в 2-6 километрах от переднего края советских войск подтверждают бывший командир 53 армейского корпуса генерал Гольвитцер и его начальник штаба — полковник Шмидт. В июне 1944 года Хиттер со своей дивизией по приказу командира 53 армейского корпуса Гольвитцер<a> последним отступил из города Витебска, и получил приказ прикрывать отступление всего корпуса, и вместе с тем был назначен командантом города Витебска. Выполняя приказ Гольвитцер<a>, Хиттер производил разрушения зданий и промышленных предприятий, а на пути отхода сжигал населенные пункты, что подтверждается многочисленными показаниями немецких военнопленных, а также Гольвитцер<ом> и Шмидт<ом>. За преступления против советского народа Хиттер награжден Гитлером многочисленными наградами, в том числе Рыцарским крестом, Немецким крестом в золоте и Дубовым венком к Рыцарскому кресту.

Мюллер-Бюлов, будучи в чине генерал-майора и командиром 246-й пехотной дивизии 53-го армейского корпуса, выполняя преступные приказы командира указанного корпуса — генерала пехоты Гольвитцер<a> и его начальника штаба — полковника Шмидт<a>, а также и по своей личной инициативе, дислоцируясь северо-западнее города Витебска, издавал преступные приказы, обязывающие личный состав без суда и следствия под видом за связь с партизанами расстреливать мирных советских граждан, сжигать населенные пункты, а при отсутствии немецких войск превращать оставляемую местность в пустыню, уничтожая все на пути отхода. Под видом борьбы с партизанами систематически проводилось прочесывание тыловых районов дивизии, сопровождавшееся грабежами и расстрелами мирного населения, истязанием и насилием. По приказу Мюллер-Бюлова в мае 1944 года офицерами и солдатами 246 саперного батальона 246 пехотной дивизии около деревни Шевино Витебского района расстреляно 70 человек мирных граждан, взятых из рабочего лагеря, полностью сожжена деревня Шевино. В июне 1944 года солдатами второй саперной роты 246 саперного батальона по приказу Мюллер-Бюлова в районе деревни Бороники Витебского района расстреляно 40 человек мирных советских граждан, укрывавшихся в лесу от преследований солдат и офицеров немецкой армии. Как в первом, так и во втором случае перед расстрелом советских граждан принуждали рыть себе общую могилу, а затем ставили их по ее краям и расстреливали. Допрошенный по данным фактам обвиняемый по настоящему делу Буцбах показал, что он лично по приказу Мюллер-Бюлова вме-

14

сте с другими военнослужащими 246-го саперного батальона в 20-х числах июня месяца 1944 года принимал непосредственное участие в расстреле 70 человек, в том числе 4-х женщин, доставленных к месту расстрела из рабочего лагеря. Перед расстрелом доставленных заставили вырыть яму, а затем расстреляли. Тот же обвиняемый Буцбах показал, что приблизительно 28 июня 1944 года он в числе других солдат и офицеров того же саперного батальона по приказу командира дивизии Мюллер-Бюлова участвовал в прочесывании леса в районе деревни Бороники, в результате чего было задержано 40 человек мирных граждан, скрывавшихся от преследования немцев, что эти люди никакого подозрения в общении с партизанами не вызывали, и, несмотря на это, их заставили вырыть яму и расстреляли. В районе дислокации 246 пехотной дивизии, согласно приказу Мюллер-Бюлова, содержалось около 1000 мирных советских граждан, в том числе стариков и женщин, которые в невыносимо тяжелых условиях использовались для строительства оборонительных сооружений на передовой линии фронта под ружейно-пулеметным и артиллерийским обстрелом. По приказу Мюллер-Бюлова в зоне размещения дивизии разрушены и сожжены все населенные пункты, в том числе произведены большие разрушения в городе Витебске. При отступлении частей дивизии из района Витебска в июне 1944 года Мюллер-Бюловым был отдан приказ, который гласил:

«Командирам оборонительных пунктов при отходе подвергать уничтожению жилые дома, бункеры, гражданские сооружения, заводы и прочие постройки...»

Во исполнение этого преступного приказа частями 246-й пехотной дивизии был взорван витебский вокзал, множество промышленных предприятий, общественных и культурных учреждений, в числе которых городской театр, множество многоквартирных домов. Кроме этого, большое количество жилых домов было разобрано для строительства оборонительных сооружений. Отступая в направлении местечка Бешенковичи, подчиненные Мюллер-Бюлову солдаты и офицеры грабили мирное население и сжигали населенные пункты. 29 июня 1944 года Мюллер-Бюлов лично, встретив на пути своего отступления 5 мирных советских граждан, приказал следовавшему с ним офицеру штаба дивизии расстрелять их, что и было выполнено.

Допрошенный в качестве свидетеля военнопленный немецкой армии Энцер Герман показал, что, состоя на службе в 3-м батальоне 404-го пехотного полка 246-й пехотной дивизии, ему, как и всем военнослужащим подразделения, перед строем были объявлены приказы командира 246-й дивизии генерал-майора Мюллер-Бюлова о том, что каждому солдату и офицеру в момент отступления предоставляется право без выяснения личности мирных советских граждан уничтожать поголовно населенные пункты. Он был очевидцем, когда

на пути отступления частей 246 пехотной дивизии от станции Летцы в направлении местечка Бешенковичи были уничтожены все населенные пункты. Аналогичные показания дали все военнопленные — Паппер, Фронапфель, Куль, Мартын, Фраас. Допрошенный в качестве обвиняемого, уличенный неопровержимыми доказательствами, Мюллер-Бюлов признал, что он, нарушая международные законы и обычаи ведения войны, отдавал подчиненным войскам преступные приказы, которыми предоставлялось право подчиненным солдатам и офицерам расстреливать советских граждан без следствия и суда, уничтожать на пути отступления все населенные пункты, промышленные предприятия, а также другие строения, принадлежащие общественным и государственным организациям, использовать мирных советских граждан на строительство оборонительных сооружений в непосредственной близости к передовому краю обороны. Он же подтвердил, что по его приказу в районе деревни Шевино было расстреляно 70 человек советских граждан, а в районе Бороников — 40 человек и в третьем случае по личной инициативе — 5 человек.

Полковник Дилльманн служил в должности командира 1-го батальона 247-го охранного полка 707-й охранной дивизии, а затем комендантом лагерей для военнопленных в городах Витебск, Полоцк и Орел. В марте-апреле месяце 1942 года Дилльманн, командуя охранным батальоном в составе 707-й охранной дивизии, проводил карательные экспедиции против мирного населения на территории Глусского и Октябрьского районов Бобруйской области. По его приказам в полосе действия вверенного ему батальона производились массовые аресты, расстрелы и сжигались живыми мирные советские граждане, истреблялось имущество граждан и грабилось население. В деревне Косарики Глусского района расстреляно 13 человек советских граждан, трупы их сожжены в деревянном сарае. В деревне Замосточье Глусского района расстреляно 78 чел. советских граждан, а имущество их разграблено. Об этой экспедиции свидетель Касько Максим показал:

«Это было в марте месяце 1942 года. Мартовским днем в нашу деревню Замосточье ворвался немецкий карательный отряд. 200 немецких солдат окружили деревню и все взрослое население согнали в один дом, там раздели граждан, вывели во двор и всех расстреляли из автоматов. Погибло более 70 человек».

В деревне Козловичи Глусского района перед населением было подвергнуто пыткам и расстреляно 6 советских патриотов, а гражданка Алехина Дарья живой брошена в горящий дом и сожжена. Деревни Смыковичи, Рудня, Ковали, Карпиловка и Ловстыки Октябрьского района были полностью сожжены, а население, в том числе и дети, расстреляно. Свидетель Рогович Иван Ефимович из деревни Карпиловки Октябрьского района показал:

«В апреле месяце 1942 года в деревню Карпиловку въехал немецкий карательный отряд численностью 300 человек. Они начали расправу с населением. Всего было расстреляно жителей деревни Карпиловка 500 чел.».

Батальоном Дилльманн<а> из района проведения карательной экспедиции было насильственно изъято более 500 голов рогатого скота, арестовано и сдано в карательные органы 200 человек советских граждан. Отличившись непомерной жестокостью к мирным советским гражданам в 707-й охранной немецкой дивизии, Дилльманн был досрочно произведен в чин полковника, награжден Железным крестом II-го класса и в конце февраля 1943 года назначен на должность начальника Витебского лагеря военнопленных Советской Армии. Исполняя приказы гитлеровского Верховного командования о массовом истреблении советских военнопленных, Дилльманн установил губительный режим в Витебском лагере, проводил физическое уничтожение, массовые репрессии и расстрелы советских военнопленных. Обвиняемый Дилльманн по этому вопросу показал:

«Я поддерживал в лагере режим, который в итоге должен был привести и приводил к голодной смерти военнопленных. Ничтожный рацион питания приводил к истощению организма, а изнурительный труд от восхода до захода солнца ускорял окончательное его разрушение».

Витебский лагерь военнопленных был превращен в лагерь смерти, куда в марте-апреле месяце 1943 года было согнано до 20 тысяч мирных советских граждан, среди них большое количество женщин, стариков и детей, насильственно угнанных немецко-фашистскими извергами из деревень Витебского и Городокского районов Витебской области. Оставшиеся в живых советские граждане направлялись в лагерь смерти «Майданек» и «Освенцим», где уничтожались. Допрошенная свидетельница Шакуро Елена показала:

«В конце марта 1943 года немецкие солдаты всю нашу семью и жителей деревни Храповичи пригнали в Витебский лагерь военнопленных. Там было очень много гражданского населения — стариков, женщин и детей. В бараке, куда нас поместили, не было пола, стояли только голые проволочные нары в 3 яруса, была ужасная скученность, грязь. Царил голод и эпидемия тифа. Люди умирали от голода, тифа и каторжного труда, умирали в массовом количестве по 20-30 человек в день. В апреле месяце 1943 года наша семья — мать 60 лет, отец 70 лет, моя дочь Мария 15 лет, сын Иван 12 лет и <сын> Виктор 2-х лет — из Витебского лагеря транспортом, в котором было более 1000 человек, вывезена в лагерь смерти «Майданек». В этом лагере погибли от болезни и голода мои престарелые родители, а 2-хлетнего сына Виктора заживо сожгли в крематории».

Содержавшиеся в Витебском лагере военнопленные и мирные советские граждане в массовом количестве расстреливались. Военно-

пленного и других лиц, загнанных в лагерь, мог расстрелять каждый немецкий солдат, не неся за это никакой ответственности. В результате чинимых злодеяний в Витебском лагере военнопленных расстреляно, замучено, погибло от голода и болезни более 100 тысяч человек советских граждан.

В мае месяце 1943 года Дилльманн был назначен и работал комендантом Полоцкого лагеря военнопленных, где продолжал уничтожать советских людей. Как опытный каратель-тюремщик в 1943 году Дилльманн был назначен начальником строительства усовершенствованного лагеря смерти для советских военнопленных в городе Орле.

Старший лейтенант Клуте Генрих-Роберт, командир 53-ей истребительной роты 53-го армейского корпуса, во исполнение преступных приказов командира корпуса — генерала пехоты Гольвитцер<a> и начальника штаба корпуса — полковника Шмидт<a> лично принимал участие в проведении 6 карательных экспедиций, во время которых под видом борьбы с партизанами истреблялись мирные советские граждане, сжигались населенные пункты, грабилось имущество, а трудоспособное население отправлялось в немецкое рабство. В результате проведенных карательных операций на территории Черниговской и Витебской областей Советского Союза по приказу Клуте его подчиненными солдатами и лично им было расстреляно более 50 человек мирных советских граждан, в том числе женщин, детей и стариков. Полностью сожжена деревня Алексиничи Сенненского района Витебской области, состоящая из 150 дворов, разрушены и сожжены артиллерийским и минометным огнем деревни Зимковичи, Константово, Кадуково, Стриги, Косовец, Шевино и Задорожье, а имущество граждан полностью разграблено. Карательные экспедиции сопровождалась особой жестокостью и зверством. 12 октября 1943 года в деревне Задорожье был произведен повальный обыск и по приказу Клуте его солдаты расстреляли на глазах у всех жителей села 4 женщины, 1 мальчика и 6 мужчин, жителей ограбили, а затем подожгли деревню Шевино. В деревне Куповать расстреляны Гроздев Иван и его двое малолетних детей. В деревне Стриги расстрелян 70-летний старик Дятлов Максим. В 20-х числах октября 1943 года при проведении карательной операции в роте Клуте были приданы взвод артиллерии и минометы и отделение жандармерии. Артиллерийским и минометным огнем сожжены и разрушены деревни Борок, Зимковичи Алексинического с/совета Сенненского района и деревни Константово, Кадуково, Стриги, Косовец Богушевского района Витебской области. В деревнях Константово и Кадуково было расстреляно 4 человека мирных советских граждан. Допрошенная по этому поводу свидетельница Теплякова показала:

«В конце 1943 года в деревню Зимковичи, где я жила, прибыл отряд немецких солдат. Они выгнали из домов все население, невзирая на пол и возраст, стариков, детей и женщин, построили в колонну и погнали под конвоем в направлении Богушевска. В составе колонны находилась я с тремя детьми. По пути немцы бесчеловечно относились к населению, избивали прикладами. Так, моему брату Губаревич<у> разбили голову. <...> Меня с ребенком сбросили в реку, где ребенок погиб. <...> В этот день после нашего угона немцы сожгли несколько деревень Алексинического с/совета: Борок, Зимковичи, Алексиничи, Лесниково, Шимково, Козодой, Луги».

12 ноября 1943 года по приказу Клуте его подчиненные солдаты сожгли деревню Алексиничи Сенненского района, в которой насчитывалось 150 дворов, собрали оставшихся жителей — стариков, детей и женщин в количестве 30 человек и расстреляли, после чего трупы были сожжены. Свидетель Павлюченко Иван, очевидец этих злодеяний, показал:

«Вечером 14 ноября в деревню Алексиничи прибыл отряд немцев численностью до роты. <...> В моем присутствии они окружили деревню и тут же начали ее поджигать, жгли всю ночь, и, таким образом, было сожжено 50 дворов, не считая холодных построек. <...> На утро я увидел на улице деревни и в огороде много трупов убитых из огнестрельного оружия и сожженных односельчан».

За совершенные злодеяния, истребление мирных советских граждан, сожжение сел и их разрушение Клуте произведен в феврале 1944 года командиром 53-го армейского корпуса генералом пехоты Гольвитцер<ом> во внеочередной чин старшего лейтенанта и им же награжден крестом «За военные заслуги» и Железным крестом II-го класса.

Фельдфебель Рух Герман был командиром взвода команды лагеря для насильственной мобилизации советских граждан при 4-й авиаполевой дивизии 53-го армейского корпуса. Выполняя преступные приказы командира 4-й авиаполевой дивизии генерала Писторус<а> и приказы командира 53-го армейского корпуса генерала Гольвитцер<а> о беспощадной расправе с содержащимися в лагере советскими гражданами, насильно мобилизованными для постройки оборонительных сооружений на передовой линии фронта, вместе с другими военнослужащими из охраны лагеря избивал, насиловал и расстреливал советских граждан. Всего в лагере расстреляно, погибло от голода и болезней, избиений 700 человек советских граждан. Об условиях содержания в лагере советских граждан и зверском отношении к ним обвиняемого Рух<а> свидетель Гусаков Герасим, содержавшийся в лагере, показал:

«Я лично был неоднократно избит фельдфебелем Рух<ом> за то, что я обессилел и не мог продолжать работу. Питание состояло из банки супа, вернее кипяченой воды с 2-3 морожеными картофелинами, и 300 граммов хлеба, выдаваемого один раз в 3-4 дня».

Это подтверждает и допрошенная свидетельница Куриленко, которая лично видела, как изнуренную от голода Иванову Наталью Марковну, которая упала от изнеможения, избил палкой фельдфебель Рух в октябре 1943 года, без причин избил по лицу прикладом автомата заключенного Смачкова Егора, а затем его вместе с другими заключенными лагеря расстрелял якобы за попытку к побегу. Аналогичные показания дали и свидетели Селезнева и Кублицкая. По личным признаниям Рух<а>, им изнасиловано 7 девушек, из них 4 расстреляно. Им же расстреляны 5 человек мужчин за то, что они не могли продолжать больше работу вследствие истощения.

Унтер-офицер Буцбах Леонгард-Генрих активно выполнял преступные приказы командования немецкой армии, в частности командира 246-й дивизии генерала Сирри, а с марта 1944 года — командира этой же дивизии генерала Мюллер-Бюлова по истреблению советских граждан, разграблению их имущества и уничтожению населенных пунктов и города Витебска. И по личной инициативе совершал злодеяния в отношении военнопленных и мирного населения. О своих совершенных преступлениях Буцбах показал:

«В марте 1943 года, находясь в особой команде при штабе 246 пехотной дивизии, по приказу генерала Сирри в числе других солдат в дер. Шадровщине расстрелял 12 человек военнопленных Советской Армии. В том же марте месяце я с группой солдат, находясь в деревне Высокино, в доме гражданина Данченко обнаружил 5 человек военнопленных Советской Армии, из которых я лично здесь же в деревне 3-х расстрелял...»

Свидетели Карабанов Д.И., Алексеенко П.С., Чернецова Н.С. подтвердили этот расстрел 12 человек военнопленных Советской Армии. Расстрел 3-х человек военнопленных в дер. Высокино подтверждает свидетельница Данченко, которая опознала Буцбах<а> как непосредственного исполнителя расстрела советских военнопленных. При отступлении по маршруту Ярцево-Смоленск-Витебск лично Буцбах<ом> уничтожены путем сожжения деревни Шадровщина, Луки, Бараново и ряд других. Причем в деревне Бараново Буцбах по личной инициативе расстрелял 8 человек мирных советских граждан. Находясь в городе Витебске, обвиняемый Буцбах в составе команды саперов, приданной коменданту города Витебска, уничтожал здания города, расстреливал мирное население, зверски избивал советских граждан. Обвиняемый Буцбах по этому вопросу показал:

«Население города Витебска под угрозой смерти поголовно выгонялось на строительство оборонительных сооружений. При этом лично мною было подвергнуто избиению до 15 человек советских граждан за то, что они отказались идти работать. Выполняя приказ коменданта гор. Витебска, мною лично взрывчатыми веществами уничтожено здание городского театра, хлебозавод, бывший обще-

ственный дом для немецких солдат, 3 многоквартирных дома и ряд других объектов. Кроме того, в то же время с моим непосредственным участием за отказ от работы по постройке оборонительных сооружений было расстреляно 70 чел. советских граждан».

В июне 1944 года, в период отступления 246-й пехотной дивизии, во исполнение приказа командира 246-й пехотной дивизии генерала Мюллер-Бюлова, обвиняемый Буцбах совместно с другими военными [7] 246-го саперного батальона принимал личное участие в массовом расстреле советских граждан. При его непосредственном участии в окрестностях деревни Шевино было расстреляно свыше 70 человек мирных советских граждан. В районе деревни Бороники расстрелял свыше 40 человек. Свидетель Михайловская А.М. по этому вопросу показала:

«Расстрел советских граждан немецкими солдатами происходил в конце июня 1944 года в окрестностях деревни Шевино, куда они были доставлены из рабочего лагеря. Немцы собрали находящихся в лагере всех мужчин и женщины, свыше 300 человек, и повели в лес, где поставили усиленную охрану. Мой муж Ильин Василий Лукич случайно узнал о том, что ночью нас всех немцы будут расстреливать. Мне, мужу и еще 10 человекам удалось бежать из-под охраны и неподалеку спрятаться. Вскорости мы слышали сильную автоматновинтовочную стрельбу...»

Сожжение деревень и расстрел мирных советских граждан одновременно подтвердили и свидетели Будова В.М. и Железницкая А.А. и другие, а также <это подтверждено> актами Государственной Чрезвычайной Комиссии.

Ефрейтор Понтер Курт-Вилли в декабре месяце 1943 г. в составе роты противотанкового дивизиона совместно с частями «СД» принял участие в карательной экспедиции против мирных советских граждан в районе деревни Чановичи Бешенковичского района Витебской области. За время этой экспедиции, 23 декабря 1943 года, в деревне Чановичи мирное население, в том числе старики, женщины и дети, были согнаны для расправы, во время которой было расстреляно 8 человек ни в чем не повинных советских граждан: Шагдрик Л., Алексеенко Т., Головнев М., Глыздев С., Шандриков Л., Шандриков Г., Соломенко И. и Бусев Е. Из них лично Понтер расстрелял 3-х человек. Полностью была сожжена деревня Камли, а имущество жителей разграблено. По данным злодеяниям свидетельница Шандрикова показала:

«23 декабря 1943 года немцы ворвались в деревню Чановичи, собрали всех ее жителей. Из числа собранных отобрали 8 человек, в том числе и моего мужа Шандрикова Гаврилу Лукьяновича, и расстреляли на глазах у жителей».

Аналогичные показания дали свидетели Алексеенко А.К., Головнева А.А. и Медведева Е.Е.

В феврале месяце 1944 года Понтер принял участие в карательной экспедиции против мирных граждан деревни Шашелы Сенненского района. Деревня была сожжена. В ней было расстреляно и сожжено 14 человек мирных граждан, в числе которых Бровко Д.Г., Мандрик М.Н., Рыбченко Е.Е., Мандрик М.М., Аксенов В.Я., Бровко П.Д., Шаркович Е., Воронова И., Мандрик Ф., Мандрик Д., Мандрик А., Мандрик С. и Мандрик А. Лично Понтер расстрелял 7 человек и поджег 3 дома. По данному злодеянию свидетельница Мандрик показала:

«Возвратясь в деревню, я увидела на пепелище сожженные человеческие трупы. А моя сестра Антонина в числе других 7 человек жителей немцами была увезена в деревню Закратунью и там расстреляна».

Аналогичные показания дали свидетели Бровко Т.А., Воронова С.В., Сачнева А.Н.

В мае месяце 1944 года Понтер в составе подразделений 248 противотанкового дивизиона под командованием начальника «СД» капитана Штуарт<а> принял участие в карательной экспедиции в районе деревни Крупенино Бешенковичского района, где было расстреляно 12 человек советских граждан. Из них лично Понтер расстрелял 3-х человек. Допрошенный в качестве обвиняемого по обстоятельствам дела, Понтер виновным себя признал и показал:

«Одной из причин, по которой я расстреливал мирных граждан, являлось то, что я лично на фронте не был, работал по ремонту автомашин и мне, как и другим шоферам, поручили расстреливать население, чтобы упрякнуться в стрельбе из личного оружия».

Адам Филипп-Антон участвовал в карательных экспедициях, во время которых по личной инициативе чинил зверские расправы над мирным советским населением. Во время этих карательных экспедиций были полностью сожжены деревни Добромисли, Вишняки, Перемонт, Боровая, Крупеня, Дрозды Лиозненского района. В сентябре 1943 года Адам принимал участие в карательной экспедиции на территории Лиозненского района. Окружив деревню Добромисли, полностью сожгли и расстреляли 12 мирных советских граждан, из которых лично Адам расстрелял 4 чел.: Дребетова Михаила, Котикова Петра и братьев Кудрановых, а также поджег 12 домов. Об этих злодеяниях свидетель Заборцев Моисей показал:

«Возвратившись в деревню Добромисли, которая была дотла сожжена, я увидел 4 трупы расстрелянных немцами мирных жителей: Дребетова М., Котикова П. и двух братьев Кудрановых».

Совершив зверскую расправу над мирными гражданами в деревне Добромисли, эта же карательная экспедиция в лесу, в 2-х километрах от деревни Добромисли, задержала 230 человек мирных советских граждан. Все задержанные были выстроены <...> на поляне, и 8 человек были повешены на дереве. Лично обвиняемый повесил двух человек. На той же поляне ефрейтором Адам<ом> из станкового пу-

лемета было расстреляно свыше 150 человек. О расстрелах и повешении мирных граждан обвиняемый Адам, признавая себя виновным в чинимых им злодеяниях, показал:

«Оставив горящую деревню, оба взвода в боевом порядке начали прочесывать лес. В лесу было задержано 200-230 чел. мирных граждан. Задержанные были построены по 5 чел. в колонну на поляне. По приказу старшего лейтенанта Кран<a> я повесил двух человек мужчин. После этого на одну из повозок был установлен станковый пулемет, из которого я открыл огонь по этим людям. Они плакали, кричали в ужасе, но они были оцеплены, и по ним стреляли из автоматов, а я из пулемета. Я лично убил 120-150 человек. Оставшиеся в живых 78 человек были под конвоем отправлены в гор. Лиозно».

Участвуя в карательных экспедициях, в первых числах октября 1944 года [8] Адам лично расстрелял 13 человек мирных советских граждан и сжег 12 домов. Сожжение деревень, расстрел мирных граждан подтверждаются показаниями свидетелей Шолохова Т.П., Сарфудена Е.Е., Самушенко Е.П., Нестеренко Д.Ф., Гнеткова Р.В., Бородаткиной Т.Т., Ерущенко М.А., Пиканова Г.Л., Росликова Д.Н. и актами районных государственных комиссий.

Все вышеперечисленные обвиняемые совершили преступления, предусмотренные ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года и подлежат преданию суду Верховного Трибунала. В процессе предварительного следствия допрошено 196 свидетелей из числа советских граждан и 27 свидетелей из числа в/пленных. Из этого числа намечено к вызову на процесс советских граждан 22 человека и в/пленных 6. Среди свидетелей из советских граждан: директор школы — 1, учителей — 2, рабочих — 3, председатель колхоза — 1, колхозных бригадиров — 2, колхозников и колхозниц — 6, священник — 1, церковный староста — 1, студент — 1, медсестра — 1 и служащих — 2.

Начальник Управления МВД по Витебской обл. полковник Гоголев 24 ноября 1947 года

(Государственный архив Витебской области. Ф. 1, оп. 1, д. 821, л. 84-100)

Сов<ершенно> секретно
Секретарю Витебского обкома КП(б)Б
Товарищу КУДРЯЕВУ.
Гор. Витебск

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

об итогах подготовки и проведения процесса над немецкими военными преступниками в городе Витебске

В соответствии с директивным указанием министра внутренних дел Союза ССР товарища Круглова за № 4839/к от 27-го сентября с/

года, Управлением МВД по Витебской области в целях своевременного и качественного проведения следствия по делу немецко-фашистских преступников:

1. Бывшего командира 53 армейского корпуса, генерала пехоты Гольвитцера Фрица.

2. Бывшего командира 246 пехотной дивизии, генерал-майора Мюллер-Бюлова Клауса.

3. Бывшего командира 206 пехотной дивизии, генерал-лейтенанта Хиттер Альфонса.

4. Бывшего начальника штаба 53 армейского корпуса, полковника Шмидт Ганса.

5. Бывшего командира легкой истребительной роты 53 АК [9], ст. лейтенанта Клуце и других солдат этого корпуса — Буцбах Леонгарда, Вагнера Франца, Адам Филиппа и Гюнтер Курта сегодня, 6 октября с/года, был разработан план агентурно-оперативных и следственных мероприятий и утвержден Вашим заместителем, полковником товарищем Иващенко, так как материалы следствия на генералов поступили в УМВД 12 октября 1947 года, с этого времени приступили к их допросу.

Все обвиняемые были сконцентрированы в специально отремонтированной женской тюрьме № 1 гор. Витебска и обставлены внутрикамерной агентурой. Для окончания следствия в установленный МВД срок нами было создано 5 оперативно-следственных групп в количестве 45 человек, куда включены:

а) Следственная группа для работы над обвиняемыми — 14 чел.

б) Опергруппа для документации фактов зверств и злодеяний на территории Витебской области — 16 чел.

в) Группа оперработников для допроса свидетелей из числа военнопленных — 4 человека.

г) Опергруппа для выявления свидетелей и допроса их по месту дислокации 206 дивизии на территории Калининской и Смоленской областей — 6 человек.

Д) Группа по информации и перепечатыванию материалов — 5 человек.

С каждой группой в отдельности проведены совещания, на которых оперативные и технические работники были тщательно проинструктированы об их обязанностях. Кроме того, проинструктировали состав переводчиков, работавших над обвиняемыми и переводом документов с русского на немецкий язык.

20 октября с/года командировали специального работника в гор. Могилев, в Центральный архив Белоруссии, для просмотра и отбора документов, относящихся к преступлениям обвиняемых-генералов и солдат 53 АК.

На территории Витебской области нами было установлено несколько человек руководящих партизанских деятелей, которые привлекались для выявления свидетелей, необходимых по настоящему делу. В результате проведенных вышеуказанных мероприятий всего было допрошено из числа советских граждан 196 свидетелей, из них:

по Витебской области — 174 чел.

по Калининской обл. — 10 чел.

по Смоленской обл. — 12 чел.

Кроме того, было допрошено 27 свидетелей из военнопленных.

В своем большинстве показания свидетелей перекрывали показания обвиняемых и изобличали последних в совершении зверств как самими, так и подчиненными генералам воинскими частями 53 армейского корпуса бывшей германской армии. В связи с тем, что предварительным следствием по делу обер-ефрейтора 246-й пехотной дивизии 53 АК Вагнер<a> Франца, также намечавшегося для привлечения к ответственности по процессу, установлены незначительные факты злодеяний, совершенных им, Вагнер был выведен из дела. По нашему ходатайству перед МВД СССР был этапирован из Бобруйска в распоряжение УМВД Витебской области бывший полковник германской армии Дильманн Г.Я., основные злодеяния которого совершались в городе Витебске, где он в период немецко-фашистской оккупации являлся начальником лагеря смерти. Дополнительно был привлечен по делу бывший военнопленный 4-й авиаполевой дивизии 53-го АК фельдфебель Рух Герман, который с 1943 по 1944 годы являлся командиром охранного взвода рабочего лагеря для мирного советского населения. Рух насиловал и расстреливал девушек и издевался над заключенными.

29 октября 1947 года с участием зам. министра внутренних дел, полковника товарища Ивашенко было проведено совещание, на котором заслушивались доклады следователей, работавших над обвиняемыми, и даны соответствующие указания. Нами совместно с представителем Чрезвычайной Государственной Комиссии тов. Иллерицкой из документов, привезенных из Москвы, были отобраны материалы о злодеяниях немцев на территории Витебской области и в районах деятельности 206-й пехотной дивизии под командованием обвиняемого Хиттер<a>. В местном Историческом музее отобраны фотографии и другие документы о немецких зверствах, чинимых в городе Витебске и в районах области. Эти материалы частью были приобщены к следственному делу на обвиняемых как доказательства, а частью использованы для выставки в вестибюле Белгостеатра, где состоялся процесс. Охрана тюрьмы была усилена за счет увеличения числа вахтерского состава и специально назначенных для круглосуточного дежурства 3 человек оперативного состава УМВД. Были приняты необходимые меры, исключавшие возможность самоубийства арестованных. Для чего ежедневно принималась и инструкти-

ровалась камерная агентура, а также неоднократно производился осмотр прогулочного двора и камер. В период с 20 по 23 ноября с/года представитель МВД СССР — полковник Клаусен, военный прокурор БВО [10] генерал-майор Смирнов и председатель Трибунала — полковник Панкратьев находились со следственным делом на докладе в правительственной комиссии. Правительственной комиссией было утверждено дело к слушанию на 29 ноября и определено количество свидетелей, подлежащих вызову в судебное заседание, всего 28 человек, из них: советских граждан — 22 человека и из числа военнопленных — 6 человек. 25-го ноября с/года в Молодотудский район Калининской области, Слободской р-н Смоленской области, Лиозненский, Сенненский, Витебский, Суражский и Богушевский районы Витебской области были командированы оперативные работники УМВД, УМГБ для обеспечения явки свидетелей в суд. Ко дню открытия процесса, 29 ноября, свидетели, намеченные для выступления на суде, явились. 25-го ноября 1947 года всем обвиняемым были вручены обвинительные заключения на немецком языке, при этом обвиняемые возбудили ходатайства о предоставлении им защиты. 26-го ноября с/года был разработан план агентурно-оперативных мероприятий по проведению процесса, в котором были предусмотрены внутренний распорядок и охрана судебного процесса и арестованных, дежурство оперативных работников в дневное и рабочее время, размещение и транспортировка свидетелей и обслуживающего персонала, а также агентурное обслуживание населения во время процесса. В оперативном плане было предусмотрено:

1. Повседневный прием внутрикамерной агентуры с целью изучения поведения и настроения арестованных;

2. Оборудование театра для судебного заседания и подготовка необходимых условий для работы технического аппарата (стенографисток, машинисток и др.).

3. Организация фотовыставки в театре.

4. Изготовление в типографии газеты «Витебский рабочий» пропусков из расчета на 500 мест и брошюр обвинительного заключения в количестве 1000 штук.

5. В целях обеспечения охраны зала судебного заседания и поддержания внутреннего распорядка в зале суда была создана комендантская группа в составе 15-ти человек офицеров и солдат 76 железнодорожного полка войск МВД.

6. Ответственность за арестованных и конвоирование их из тюрьмы на процесс было возложено на конвойный взвод 226 полка конвойных войск МВД во главе с заместителем командира полка, подполковником тов. Сальниковым.

7. Наружную охрану здания Белгостеатра и контроль за пропуском граждан несли оперсостав УМВД-УМГБ и милиция.

Кроме того, была установлена негласная охрана обвиняемых во время процессов, для чего было выделено 18 сотрудников УМВД-УМГБ, которые предварительно инструктировались. Непосредственно руководство внутренней и наружной охраной и обеспечением порядка на процессе было возложено на руководство УМВД и УМГБ Витебской области.

29 ноября 1947 года в 19 часов в Белгостеатре города Витебска при переполненном зале трудящихся города и представителей районов области, Военный Трибунал Прибалтийского округа в открытом судебном заседании приступил к слушанию дела по обвинению 10-ти немецко-фашистских военных преступников, совершивших зверства и злодеяния на территории Витебской области: Гольвитцер <а>, Мюллер-Бюлова, Хиттера, Шмидта и др.

На вечернем заседании 29 ноября судом были удостоверены биографические данные обвиняемых и свидетелей, заслушаны ходатайства подсудимых и сторон. Подсудимый бывший командир 53-го АК генерал пехоты Гольвитцер возбудил ходатайство о дополнительном вызове в суд 4-х свидетелей. Подсудимый бывший командир 206-й ПД [11] генерал-лейтенант Хиттер — 10 свидетелей, подсудимый бывший командир 246-й ПД генерал-майор Мюллер-Бюлов — 2 свидетелей и бывший начальник лагеря смерти полковник Дилльманн — 2 свидетелей. Остальные 6 обвиняемых ходатайств перед судом не заявили. После оглашения обвинительного заключения обвиняемые Гольвитцер, Мюллер-Бюлов, Шмидт, Клуце, Рух, Буцбах, Адам и Пюнтер признали себя виновными в предъявленном им обвинении и подтвердили показания, данные на предварительном следствии. Обвиняемые Хиттер и Дилльманн так же, как и на предварительном следствии, виновными себя не признали.

На утреннем заседании 30 ноября с/года был допрошен обвиняемый Рух Герман, бывший командир взвода рабочего батальона 4-й авиаполевой дивизии. Рух признал, что, будучи командиром взвода, как и остальная охрана лагеря, издевался над мирными советскими гражданами, содержащимися в лагере, избивал их, насиловал и расстреливал женщин. Кроме того, Рух изобличал Гольвитцера и Шмидта в даче ими преступных приказов при посещении лагеря, в результате условия содержания советских граждан в нем еще более ухудшились, увеличилась смертность, а больные и нетрудоспособные по их указанию расстреливались. По его делу допрошено судом 2 свидетеля из советских граждан.

Вторым был допрошен подсудимый обер-ефрейтор Пюнтер Курт, служивший во 2-й роте противотанкового дивизиона 246 пехотной дивизии. Пюнтер рассказал о своем участии в 3-х карательных экспедициях, при которых расстреливались ни в чем не повинные советские граждане и сжигались населенные пункты. Он показал также,

что ему объявлялся командиром роты приказ генерал-майора Мюллер-Бюлова, в котором каждому офицеру и солдату германской армии предоставлялось право, не неся никакой ответственности, расстреливать советских граждан.

Обвиняемый Буцбах Леонгард, бывший унтер-офицер саперного батальона 246-й пехотной дивизии, показал, что, находясь на службе с марта по осень 1943 года в специальной команде, принимал личное участие в разрушении города Витебска и уничтожении других населенных пунктов Витебской области. В марте 1943 года он принимал участие в расстреле раненых военнопленных Советской Армии, а в 1944 году — в массовых расстрелах мирных граждан, среди которых были старики, женщины и дети.

Допрошенный четвертым подсудимый Адам Филипп, служивший в 13-й роте 404-го полка 246-й пехотной дивизии, признал свое участие в 3-х карательных экспедициях в Лиозненском районе Витебской области, во время которых по личной инициативе чинил зверские расправы над мирным советским населением и сожжение многих населенных пунктов.

На вечернем заседании 30 ноября 1947 года был допрошен подсудимый генерал-майор Мюллер-Бюлов Клаус. Он показал, что пунктуально выполнял все преступные приказы Верховного командования и гитлеровского правительства. Им издавались приказы, нарушавшие международные правила ведения войны. В организованном при дивизии лагере, в котором содержалось 800 человек мирных жителей, были созданы нечеловеческие условия. Заключенных в этот лагерь использовали на оборонительном строительстве под оружейным обстрелом в расположении передовой линии фронта. В преступлениях изобличался на суде 3-мя свидетелями из числа советских граждан и 2-мя свидетелями из числа военнопленных.

Допрошенный вторым обвиняемый, бывший старший лейтенант Клуте Генрих, признал, что, будучи воспитан в духе ненависти к русскому народу, беспощадно расправлялся с мирными советскими гражданами на оккупированной немцами территории, лично участвовал в 6-ти карательных экспедициях, во время которых истреблялось советское население, грабилось их имущество и сжигались населенные пункты. Судом было допрошено по его делу 3 свидетеля из советских граждан, из которых одним Клуте был опознан.

На утреннем заседании 1-го декабря с/года Военным Трибуналом был допрошен бывший полковник Шмидт Ганс, который показал, что вместе с обвиняемым Гольвитцером разрабатывал и издавал преступные приказы. Подсудимый признал, что при отступлении от Курско-Орловской дуги на основании приказа армии 53-го АК был издан приказ о создании по пути отступления зоны пустыни и что этот приказ был соединениями и частями корпуса выполнен. Кроме того, Шмидт по-

казал, что им разрабатывался детальный план и приказ о проведении ротой Клуце карательных экспедиций, в результате которых грабилось и уничтожалось мирное население и сжигались деревни в Богушевском и Сенненском районах Витебской области. В мае и июне месяцах 1944 года по приказу его и командира корпуса Гольвитцер<a> было вывезено из города Витебска в район Богушевска на передовую линию фронта около 12000 людей, среди которых были старики, женщины, дети и тифозные больные, последние использовались в качестве живого заслона для прикрытия отступления немецких войск.

Допрошенный обвиняемый, бывший генерал пехоты Гольвитцер, подтвердил показания обвиняемого Шмидта об издании преступных приказов о преднамеренном разрушении промышленных объектов и жилого фонда, о проведении карательных экспедиций, мобилизации мирных советских граждан на строительство оборонительных сооружений на передовой линии фронта под обстрелом, о принудительном угоне жителей в Германию и об использовании нетрудоспособного и страдающего инфекционными болезнями населения в качестве прикрытия отступающих немецких войск и для заражения военнослужащих советских войск. По делу судом было допрошено три свидетеля из числа советских граждан.

Затем был допрошен Дилльманн Г.Я. — бывший начальник лагеря смерти. Дилльманн пытался, как и ранее, отрицать свою вину в совершенных им зверствах и злодеяниях, однако был изобличен материалами предварительного следствия и 3-мя свидетелями из числа советских граждан, опознавших его на суде как коменданта лагеря в 1943 году, когда они там содержались в заключении.

В заключение была допрошена свидетельница Денисова [12], принимавшая участие в качестве члена областной Чрезвычайной Комиссии в расследовании зверств и злодеяний, совершенных немецко-фашистскими оккупантами за время их хозяйствования в Витебской области с 1941 по 1944 годы. Согласно показаний свидетеля, в Витебском лагере смерти было уничтожено не менее 80000 человек.

На утреннем заседании 2-го декабря с/года судом был допрошен обвиняемый Хиттер. Хиттер, как и на предварительном следствии, продолжал отрицать свою вину. Однако во время перекрестного допроса вынужден был признать, что у него не было разногласий с программой гитлеровской партии по вопросу Восточного похода и признания германской расы высшей расой. По делу Хиттера было допрошено 6 свидетелей из советских граждан, из которых 2 свидетеля из Калининской области и 1 из Смоленской области опознали обвиняемого как командира дивизии, по приказам которого совершались военные преступления.

На вечернем заседании 2-го декабря был заслушан свидетель Кардаш [13] как представитель областной Чрезвычайной Комиссии. Ве-

чернее заседание закончилось речью государственного обвинителя генерал-майора товарища Смирнова, потребовавшего осуждения обвиняемых к 25-ти годам заключения. Требование прокурора было встречено бурными аплодисментами присутствующих в зале.

3-го декабря с/года на утреннем заседании после выступления адвокатов судом было представлено последнее слово обвиняемым. Обвиняемые Рух, Пюнтер, Буцбах и Адам подтвердили свою виновность, просили учесть, что они совершали зверства и злодеяния на основании преступных приказов своих начальников. Обвиняемые Шмидт и Клуте подтвердили свою вину и просили суд при вынесении приговора сделать им снисхождение. Обвиняемые Гольвитцер и Мюллер-Бюлов ограничились повторением изложения своих преступлений, за что они должны нести ответственность. Хиттер и Дилльманн продолжали отрицать свою вину.

С 21-30 до 23-х часов был оглашен приговор, которым подсудимые были приговорены к 25-ти годам исправительно-трудовых лагерей каждый.

Приговор был встречен трудящимися города Витебска, переполнившими зал суда, продолжительными аплодисментами.

Начальник Управления МВД по Витебской области, полковник Гоголев

9 декабря 1947 г.

Гор. Витебск

(Государственный архив Витебской области. Ф. 1, оп. 1., дело 821, лл. 121-127)

* * *

Судебный процесс над немецко-фашистскими преступниками в Витебске освещался, естественно, в СМИ: прежде всего в областной газете «Віцебскі рабочы», а также в «Советской Белоруссии». 30 ноября 1947 г. в первой из них была опубликована следующая информация: «Вчера в 7 часов вечера в помещении Белорусского драматического театра имени Якуба Коласа Военный Трибунал Прибалтийского военного округа под председательством полковника М.И. Панкратьева приступил к рассмотрению дела о преступлениях, причиненных группой немецко-фашистских преступников во время оккупации гитлеровскими войсками территории Витебской области и города Витебска. Перед судом предстало 10 военных преступников, в том числе бывший командующий 53-го немецкого пехотного корпуса генерал пехоты Гольвитцер, бывший комендант города Витебска и командир 206-й немецкой пехотной дивизии Хиттер, бывший командир 246-й немецкой дивизии генерал-майор Мюллер-Бюлов. Дело слушается в открытом судебном процессе при участии государственного обвинителя генерал-майора юстиции тов. Смирнова С.А.». В том же номере газеты на всю большую полосу было опубликовано 30

обвинительное заключение, которое вскоре было издано отдельной брошюрой. А еще с 19 ноября газета «Віцебскі рабочы» под рубрикой «Накануне судебного процесса над немецко-фашистскими преступниками в Витебске» стала публиковать ряд материалов с рассказами очевидцев преступлений нацистов.

К суровому ответу фашистских преступников!

Из газет я узнала, что вскоре в Витебске начнется судебный процесс над фашистскими преступниками, творившими свои кровавые дела на территории Витебской области. Совесть перед замученными и подвергшимися пыткам товарищами и тысячами советских людей не дает мне право молчать. Я хочу рассказать о некоторых из многочисленных фактов убийствах, учиненных над мирными жителями Суражского района, свидетелем которых довелось по воле судьбы быть мне. Возможно, мой рассказ послужит судебным органам в раскрытии всех обстоятельств и кровавых злодеяний, совершенных сподручными Гитлера, и поможет лучше установить их виновность перед нашим народом.

Это было в начале марта 1943 года. Мне тогда не было и 14 лет. Уже несколько недель немецкие войска вели наступление на партизан, находившихся в околных лесах. Немцы и до этого бывали в нашей местности и каждый раз организовывали зверское уничтожение мирных жителей, сжигали деревни, грабили. Например, в феврале 1942 года в нашей деревне варвары сожгли наш дом, дом моего деда Овсенко Ильи, сожгли деревню Койтово и многие другие.

Тогда же они расстреляли много мирных жителей, в том числе моего деда (отца отца) Овсенко Илью вместе с его женой, другого моего деда (отца матери) старика Пригожего Филимона и моего дядю — Спасовского Якова. Также было расстреляно много жителей из деревни Койтово и других деревень.

В конце 1942 года немцы совершили налет на деревни Верховье, Колас, Красный Двор, Полудетки, Железняки, Пеленки, Буево и сожгли их. Наша семья в то время жила в хлеве, так и этот хлев сожгли.

Свою расправу с местным населением немцы совершали под видом борьбы с партизанами, а на самом деле уничтожали всех подряд. Из нашей семьи никого не было в партизанах, а немцы сожгли наш дом и расстреляли почти всех родных. Из семьи наших дедов и дядьки также никого не было в партизанах, а их немцы расстреляли.

Зная, как немцы расправляются с мирным населением, в январе 1943 года все население нашей деревни покинуло свои дома и переселилось в леса. И наша семья пошла в Шабовские леса. В этом лесу в начале марта 1943 года немецкими войсками было задержано много мирных жителей, вместе с ними была задержана и наша семья в составе меня, моей матери Овсенко Надежды Филимоновны, братьев

Гены — 8 лет, Вити — 5 лет и сестрички Нади — 3 лет. Всех задержанных немцы привели в деревню Дуброво Суражского района, куда было согнано более двух тысяч мирных жителей, преимущественно женщин с детьми, стариков и старух. Поместили нас в холодных коровниках. Здесь мы и ночевали. Затем перегнали в другую деревню — под Низкие. Там в зимнее время на холоде нас держали всех под открытым небом и организовали допрос. У моей матери только спросили, из какой деревни и кормила ли она партизан. Мама ответила, что партизан у нас не было. На этом и закончилась беседа. Из всех задержанных после «допроса» только человек десять немцы отпустили, а остальных загнали в 2 больших колхозных хлева, набив их народом так, что даже сесть нельзя было. Все стояли.

Во второй половине дня немцы начали выводить всех из хлевов небольшими партиями по 5-7 человек, и стали сгонять в соседний с нами хлев, и там начали расстреливать. Через дырки в стенах нашего хлева нам было хорошо видно, как состоялся расстрел, слышны были крики и стоны расстрелянных. Так все мы, находящиеся в хлеве, ожидали своей очереди.

Из нашего хлева на расстрел выводил немец, в руках у него была палка. Он заходил в хлев и, не спрашивая ни фамилии, ни имени, а просто отсчитывая первых попавшихся ему людей, приказывал выходить. Самой последней из нашего хлева была выведена наша семья. Вошедший немец с палкой показал нам на выход и повел в хлев, где происходил расстрел. Когда мы вошли в хлев, то он был заполнен расстрелянными мирными жителями — женщинами, детьми, уложенными один на другого рядов в 9-10, а высотой более чем в рост человека. Внизу, да и во всей гряде убитых, вероятно, были еще живые. В хлеве стоял жуткий стон и хрипение еще живых.

Около хлева стояли один полицейский из русских и 8 немецких офицеров, из них 3 офицера держали автоматы, приготовившись стрелять. Все немцы были в веселом настроении, почему-то смеялись. Когда мы вошли в хлев, один из немецких офицеров приказал нам лезть поверх трупов. Я взяла за руку пятилетнего Витю и полезла. Другой братик — 8-летний Гена — также стал карабкаться по трупам наверх, а мама, державшая на руках трехлетнюю дочку Надю, не смогла залезть наверх и упала. Раздалась выстрелы автоматов, и я с Витей упали на расстрелянных. Оба мы были ранены: мне пуля попала в шею и вышла в правую щеку, а Вите одна пуля попала в шею и вышла в плечо, а второй пулей была прострелена рука ниже локтя, в кисть. Я почувствовала, что ранена, но кричать не стала, боялась, что немцы могут добить. Братик Витя только вымолвил: «Ой, Аня!» и прижался ко мне. Я ему тихонько шепнула, чтобы он молчал. И Витя молчал, не плакал. Так мы прикинулись мертвыми.

Затем всех нас, расстрелянных, немцы прикрыли соломой и подожгли. Хлев наполнился дымом и срадом. Пламя огня добралось и до нас, на мне загорелась одежда. Братик Гена, который не смог взлезть поверх расстрелянных, оказался неповрежденным. Немцы стреляли в него и не попали, а он повалился и прикинулся убитым. Гена первым вылез из-под соломы и начал звать мать и меня. Я поднялась, подняла братика Витю, спустилась вниз и стала толкать мать, но она и сестричка Надя были убиты.

В то же время сверху, с расстрелянных, слезли раненые: 70-летний старик Петухов из деревни Койтово и девочка лет семи из деревни Красный Двор. Все мы, окровавленные, вылезли из горевшего хлева, причем когда ползи, то слышали живых, не расстрелянных немцами и теперь горевших людей.

Так чудом нам удалось спастись. Но наши мучения на этом не закончились. В конце лета 1943 года все мы вновь были задержаны немцами и доставлены на станцию Сосновка, а оттуда нас доставили и загнали в лагерь 5-го полка в гор. Витебске. В этом лагере, еще до прибытия туда этого эшелона, господствовал тиф. И, несмотря на это, всех нас поместили вместе с тифозными, применив теперь другой метод расстрела, — расстрел тифом. Я со своими двумя братиками Геней и Витей пробыла в этом лагере более двух месяцев, откуда случайно удалось убежать, но Витя заболел тифом и умер. От тифа в лагере умерло множество ни в чем не повинных людей.

70-летнего Петухова Степана немцы из Витебского лагеря направили в лагерь смерти «Освенцим». Подоспевшая Красная Армия спасла старика от неминуемой смерти. Сейчас Степан вновь колхозник и живет в своей родной деревне Койтово, со страхом вспоминая дни немецкого хозяйствования.

Нашему народу никогда не забыть этих черных и кровавых преступлений. Я, как и тысячи советских людей, с нетерпением жду того дня, когда на скамью подсудимых сядут те, кто мучил и убивал ни в чем не повинных наших людей. Мы надеемся, что суд вынесет справедливый и заслуженный приговор.

Анна Овсенко
(Газета «Віцебскі рабочы», 19 ноября 1947 г.)

Никакой жалости фашистским палачам

Перед войной мне не было и 16 лет. Беззаботно, не зная никакого горя и страха, проходили мои детские и юношеские годы. Ничто не заставляло меня задумываться о моем завтрашнем дне. Родители работали в колхозе. Хлеба и всего было в достатке. Я учился в шестом классе, думал только об одном — об учебе. Мечтал закончить среднюю школу, затем поехать учиться в институт.

Иногда, собравшись со своими друзьями, мы рассуждали о том, как быстро пройдут наши юношеские годы, и мы вырастем, станем инженерами, учителями или учеными. Каждый из нас наметил себе путь в жизни. И мы не сомневались, что все это сбудется, что мы добьемся своего.

И вот все то, что казалось для меня легким, вполне осуществимым, неожиданно стало далеким, недостижимым. На улицах нашей деревни Самсоновки, как и других деревень Сиротинского района, появились в зеленых, лягушечьего цвета шинелях немецкие солдаты.

Кажется, черная ночь повисла, опустилась над нами, казалось, что не таким приветливым и ласковым стало солнце и не той стала наша деревня. Бывало до самой поздней ночи, до самых петухов на улице не стихали песни, шутки. Жила, радовалась, веселилась наша деревенская молодежь. А теперь чуть вечер — на улице ни живой души. Только громкие удары в двери приклада или кованого сапога, крик и плач изнасилованной девушки нарушали обычную ночную тишину. Людей приходили забирать, уводили. Куда, за что и для чего — об этом лучше не нужно было спрашивать. «Новый порядок», установленный немецкими фашистами, гарантировал один путь — расстрели или виселицу, либо лагерь, откуда также мало кто выходил живым.

В середине сентября 1943 года дошла очередь до меня и моего товарища Шапелеса Василия Антоновича. В деревне уже не было кого брать. Остались из молодежи только мы вдвоем. Первые два дня нас держали в одном из холодных, неотапливаемых зданий Витебска. Мне впервые в своей жизни довелось увидеть, чтобы с людьми обходились хуже, чем с какой-нибудь скотиной. Помещение было набито битком. О том, чтобы прилечь отдохнуть, невозможно было и думать. Люди, обессиленные, голодные, стояли друг около друга двое суток, пока не подъехали три автомашины с усиленной охраной и не забрали нас. Немецкие вандалы установили за нами такой надсмотр, как за какими-нибудь преступниками.

Нас привели в лагерь, размещенный в 20 километрах от Суража, где вблизи не было даже никакой холодной постройки. Жить нам довелось в небольших шалашах, похожих на юрты. В каждом из них было по 25-30 человек. Спали просто на земле, чуть-чуть прикрытые соломой. А кормили? Нет, так в нашей деревне не кормил ни один хозяин свою собаку. Только утром и вечером нам обычно давали по поллитровой банке супа, вернее говоря, это был не суп, а кипяченая вода, где можно было выловить две-три мерзлых картофелины. Хлеб мы изредка получали по 300 граммов, а то приходилось по 2-3 дня и даже целые недели не видеть его в глаза.

Люди обессилевались не только от нехватки еды, от голода, но и от грязи, от вшей и других паразитов, которые кишмя кишели в лагере. Чем, как только не бесчувственной бесчеловечностью и жестокостью

немцев, можно охарактеризовать такие и подобные им факты.

Для нас, советской молодежи, никогда не знавшей унижения человеческого достоинства, все это было необычным. Мы жили в настоящем кошмаре. Душа разрывалась на части, когда на наших глазах немец бил резиновой палкой ни в чем не виновного человека. Бил только за то, что он обессилел и не мог идти. Душа разрывалась, когда немецкие офицеры и солдаты из охраны под разными предлогами заманивали или просто на глазах перед всеми насиловали наших девчат.

Начальником нашей группы был отпетый немецкий бандит фельдфебель Герман Рух. Такого гадкого, скотского, такого черствого истукана я никогда не видел в жизни. Он всегда ходил с резиновой палкой. Для него было величайшим удовлетворением пихнуть прикладом или ударить палкой по лицу едва тянущего ноги русского человека. И не было того дня, чтобы он не избил до полусмерти кого-нибудь из заключенных в лагере.

Не однажды и мне довелось «попробовать» палку Германа Руха. Один раз он меня избил до полусмерти всего только за то, что я не мог идти, что я ослаб от голода и холода.

Я ликую от радости, что днями в числе других немецких преступников, творивших свои кровавые дела на территории Витебской области, на скамью подсудимых сядет и Герман Рух. Германы рухи и подобные им убийцы и палачи Гитлера залили кровью всю нашу Беларусь. Это от них плакала и стонала три года наша родная земля. Это они три года топтали, оскверняли нашу юношескую жизнь.

Никакой жалости к немецким людоедам и убийцам! Суровую и заслуженную кару должны понести они от имени всего нашего города.

Герасим Гусаков

(Газета «Віцебскі рабочы», 26 ноября 1947 г.)

За что они расстреляли моих родных и односельчан?

Чтобы просто взять и убить человека, вероятно, надо иметь совсем не человеческое, а звериное сердце. Только немецкие варвары, мне думается, даже не имели последнего.

Из моей памяти никогда не сгладится майский день 1943 года, в который я стала свидетелем неслыханного убийства, учиненного немецкими бандитами в нашей деревне Шалыги Николаевского сельсовета Витебского района. С утра как будто бы все было спокойно. Люди занимались своими хозяйственными делами. Подошла весна. Надо было готовиться к посевной. Работы было много, хотя руки к ней не лежали. Но ничего делать не приходится. Надо было думать и как посеять, и как жать. Не умирать же с голода.

И вот в разгар мирного рабочего дня на шоссе, что проходит около нашей деревни и идет на Витебск, остановилось четыре немецкие автомашины, битком набитые немцами. Мы видели, как от них от-

делились четыре немецких солдата и направились к нашей деревне. Вскоре они появились на улице. В руках их были автоматы. Сердце мое чувствовало что-то неладное, но никак не думалось о том, что случится через несколько минут. Всем жителям деревни было приказано собраться на середину улицы. «Тот, кто не придет, — говорил немец с толстой противной мордой, совершая подворный обход, — будет расстрелян».

И люди шли. Шли старики, женщины, неся на руках своих детей. Ибо они знали, что готовят для них проклятые эти убийцы. 100 человек собралось на улице. Немцы выстроили всех их в ряд и начали сортировку: мужчин в одну сторону, женщин и детей — в другую. В группе, куда отбирали мужчин, стояли только одни старики. Сюда попал и мой отец — Андрей Федорович, и 75-летний Господовский Петр Трофимович. К ним присоединили еще моего 15-летнего братишку и другого 11-летнего мальчика. «Что они будут с нами делать? Для чего они нас собрали?» — мгновенно одна за другой пробежали в голове мысли. Толстомордый немец, как видно, какой-то их начальник, повернулся в нашу сторону к женщинам и показал рукой расходиться по домам, а группу мужчин под конвоем погнали в направлении к шоссе в сторону Витебска.

Причитаниями и плачем огласилась деревня. Некоторые женщины кинулись к конвоирам, умоляя их дать возможность собрать в дорогу для взятых мужчин хотя бы что-нибудь перекусить. Но так и не добились. Конвоиры ударили некоторых женщин и пригрозили, что будут стрелять, если мы посмеем к ним хотя бы еще раз подойти.

Спряталась за околицей колонна, только на улице не стихал плач и никто не расходился. Куда их погоняют? Что они такое сделали, что их пришли, забрали, как какой-нибудь скот, и погнали под охраной?

Не прошло и полчаса, как раздались пулеметные и автоматные выстрелы, а затем последовало два больших взрыва. Да, они просто их забрали, чтобы убить.

Когда мы после попали на место расстрела, невозможно было спокойно смотреть на это необычное зрелище: 16 стариков и 2 мальчика лежали, залитые кровью, с простреленными головами, а неподалеку от них, убитые осколками от гранат, лежали четыре женщины. Они шли, как мы узнали позднее, из соседей деревни и попали на это кровавое гульбище. И немцы решили продолжить его, увеличить список своих жертв и потешиться над тем, как будут умирать вот эти мирные, тихие, ни в чем не повинные женщины, у которых дома, может, остались маленькие дети. О, как хотелось бы нам тогда дожить до тех дней, когда матери, отцы и дети этих проклятых немецких вырожденков вот так же бы голосили, как мы, вот так же бы рвали на своих головах волосы, как мы!

Мой бедный папа! Как он хотел дождаться своих! Мой милый братик! Как он хотел жить! Как он мечтал стать большим и ученым чело-

веком. И вот теперь они лежат окровавленные, мертвые... Погубили их жизни проклятые выродки, погубили. А за что, за что?

Дорогие мои, родные и односельчане! Вам не довелось дожить до радостных дней победы, о которой вы так мечтали. Как мне хочется, чтобы вы знали, что она пришла, наша долгожданная победа. Ее принесли наши славные советские воины, ее принес наш любимый Сталин.

Вы верили, что наступит время и придет грозный судья, который предъявит окончательный счет проклятым гитлеровским выродкам. И эти грозные судья и суд пришли. На скамью подсудимых сели те, кто смаковал нашу кровь, кто раньше времени украл у нас нашу жизнь. Мы, оставшиеся в живых, от вашего и своего имени требуем сегодня справедливого приговора. И мы уверены, что этот приговор будет вынесен.

Евдокия Соболева
(Газета «Вицебскі рабочы», 28 ноября 1947 г.)

Алексиницкая трагедия

Никогда не забыть этого страшного и кошмарного дня жителям деревни Алексиничи Сенненского района.

— Это одна из ужасных трагедий, которую только пережила наша деревня, — рассказывает ее житель Иван Ильич Павлюченко.

Слушайте же вы, стоящие сегодня перед судом народа, человекозвери, главари сумасшедших гитлеровских банд! Слушайте и исповедуйтесь перед судом всего цивилизованного народа!

Это было как раз четыре года назад, 14 ноября 1943 года. Стояла морозная погода. Тогда под вечер в деревню Алексиничи прибыл отряд немцев. В домах еще не зажигали свет. И только тот-другой из стариков выходил во двор, чтобы дать скотине корм.

— Наза-а-д! — скомандовал немецкий офицер. — Назад в дом!

И люди <...> молча повиновались приказу.

— Ба-ба-ба-а-а-х! — слышались с улицы выстрелы, и вслед за ними стали вспыхивать огненные языки.

— Не вылезать! — раздавалась команда возле дверей моего дома. И вновь треснула автоматная очередь.

Прибывший в деревню немецкий отряд сразу же начал поджигать все, что могло гореть. Они поджигали по очереди дома, хлева, погребя, скирды соломы.

Утром 15 ноября немецкий солдат поджег мой дом и скомандовал мне и моей семье выйти на улицу. Маленькие дети, жена и я несколько часов стояли голые на морозе.

— За что? — взглядом спрашивали они у меня. — За что они нас?

На улице мы увидели трупы убитых: деда Петра Прилепова, с раскинутыми руками Андрея Беякова. Неподалеку от нас, на моем ого-

роде, лежало еще четверо. Один из них — Губаревич Семен — был ранен в руку. Он едва стонал, но не двигался.

— За что ж их, деда Степана и тетку Марью, Якова, Адама?

Немецкий палач отогнал всех уцелевших жителей на выгон. И вскоре отряд покинул деревню. Я с семьей вернулся на пепелище. Оставшиеся в живых выносили трупы расстрелянных и сожженных. Среди них нашли 70-летнюю Анну Рябушко, 60-летнего Евлага Белякова и Губаревича Семена, того самого, который был только ранен в руку. Мы нашли его обгоревшим в стогу соломы...

Немцы не появлялись в Алексиничах 11 дней. За это время все жители деревни построили себе землянки и начали жить в них. Но гитлеровским разбойникам стало завидно... Они вновь захотели крови. И 26 ноября они вновь, как вороны, налетели на Алексиничи. Дожгли и землянки, и остальные дома, а всех выгнали в деревню Беленево Коковчинского сельсовета Богушевского района.

Это было четыре года тому назад. Алексиничане вновь возродили и деревню, и свой колхоз. Но на всю жизнь им не забыть эту жуткую трагедию.

Исповедуйтесь же сегодня перед судом народа, гитлеровские разбойники, вдохновители неслыханных преступлений!

Николай Макаев [14]

(Газета «Вицебскі рабочы», 28 ноября 1947 г.)

Душегубы

Мне 50 лет. Полвека прожила я на белом свете и никогда, даже при болезнях, мне не снились такие жуткие истории, которые довелось мне увидеть на склоне моей жизни. И не только увидеть. На мою долю выпало быть в том пекле, которое создали для нашего народа фашисты. Что я, семейная женщина, мирная колхозница сделала им? Я не знала их и не желала их знать. Пропади они пропадом! Я растила своих детей и радовалась счастьем, которое мне дала советская власть. Зачем они пришли в нашу деревню из Германии, из самого Берлина? Что надо было проклятым душегубам?!...

Их было несколько десятков, одетых в лягушачьего цвета мундиры с нарисованными человеческими черепами на рукавах. И они пришли по весне в деревню Тригубцы и выгнали из домов всех ее жителей. Выгнали на улицу не одетых, босых и никому не дали с собой взять хотя бы кусочек хлеба. Они отвели нас от деревни метров на 200 и начали грабить наши дома. Они погрузили на машины все наше добро и со всех концов подожгли Тригубцы. И когда на наших глазах сгорел последний дом, гитлеровцы погнали нас в деревню Марковичи. Они согнали на улицу и жителей этой деревни и также в присутствии всех подожгли ее. Бездомных людей погнали в деревню Барково, ненасытно желая новой крови.

Утром 22 апреля 1943 года (пусть этот день напомним им суд великого народа-победителя!) они выгнали на улицы жителей трех деревень. И начали отбирать: стариков — в одну сторону, помоложе — в другую. При мне было четверо детей: 14-летняя Валя, 12-летняя Лида, 7-летняя Катя и совсем маленькая, 3-летняя Ася. С ними я попала в правую сторону — к тем, кто помоложе. Рассортировав нас, как быдло, немецкий офицер приказал своим солдатам отвести в хлев всех стариков — мужчин и женщин, а нас загнали в дома, по 30-50 в каждый. Не прошло и 20 минут, как послышалась стрельба.

— Душегубы! — пронеслось тогда во всех домах.

Наставив автоматы, немцы стреляли в хлев, где под замком находилось около 150 наших людей. И мы слышали, как смеялись душегубы в ответ на стоны и крики умирающих... Потом они подожгли тот хлев.

На другой день нас вывели из домов на улицу и всех погнали в лагерь. Он размещался в зданиях бывшего нашего 5-го железнодорожного полка. Лагерь был обнесен колючей проволокой. В каждой казарме было столько людей, что негде было пошевелиться. Я с детьми была кинута в барак № 6, из которого каждый день выносили по 10-15 умерших. В бараке господствовал тиф. И каким чудом я спасла себя и своих детей от когтей этой болезни, я не знаю...

Почти три месяца нам каждый день по одному разу давали пол-литра баланды и на восьмерых — килограмм эрзац-хлеба. Потом нас — многих и многих — отвезли в Люблин, в такой же, но более «усовершенствованный» лагерь смерти. Вокруг этого лагеря, кроме колючей проволоки, тянулась еще тоненькая проволока с электрическим током высокого напряжения. В Люблинском концлагере меня с детьми бросили в 8-й барак. И вновь такой же эрзац-хлеб, баланда, тиф, дизентерия.

Мы были доставлены туда для сожжения в специальных печах-крематориях. Каждый день из труб адских печей стлался по лагерю черный дым и смрад от сгоревшего человеческого мяса. Было трудно и тошнотно дышать. Из барakov каждый день немцы отправляли в крематорий десятки пленных. И многие из нас в предчувствии очереди считали: лучше умереть на тоненькой проволоке. Я помню, как одна молодая девушка однажды утром вышла из барака, попросилась со всеми и при всех кинулась на проволоку. Вслед за ней закончили жизнь самоубийством на этой проволоке еще двое мужчин. И это только в одно утро! А таких сколько было утр! На территории лагеря стояла виселица. На ней вешали непокорных пленных. И она никогда не пустовала. Но самым трудным, что довелось мне пережить в те дни, было то, что немцы наконец решили разлучить меня с моими детьми. Однажды в барак вошел немец. Что-то по-собачьи пролаяв, он подошел к моим детям и вырвал их из моих рук. Этого я не могу забыть. Этого я не могу простить немецким душегубам. От-

ветьге, где мои дети, — Валя, Лида, Катя? Перед судом, передо мной ответьте, бандиты!

В апреле 1945 года меня с Асей спасли от смерти наши герои — бойцы Советской Армии.

Татьяна Ефременко
(Газета «Віцебскі рабочы», 29 ноября 1947 г.)

Они обвиняют

Если бы сегодня могли подняться из могил и стать свидетелями все те, кто был замучен и расстрелян, повешен на виселицах или сожжен немцами в крематориях «Майданека» и «Освенцима», какой это был бы суд. Ни один судебный процесс в истории не мог бы сравниться с этим. Перед судьями прошли бы тысячи, миллионы ни в чем не повинных, замученных и расстрелянных советских людей. Хотелось бы увидеть, как чувствовали бы в эти минуты себя убийцы, подонки человеческого рода, которые сегодня предстанут перед народным судом. Вздрогнет ли хотя бы у одного сердце, или всплывет ли хотя бы на минуту человеческая жизнь?

Судебный процесс в гор. Витебске по делу о преступлениях немецко-фашистских захватчиков, причиненных в Белорусской ССР

Трибунал Прибалтийского военного округа. Фото И. Гуцина (Из фондов ВОКМ)

Вечернее заседание 29 ноября

29 ноября в Витебске в здании Государственного театра имени Якуба Коласа начался судебный процесс по делу над группой бывших военнослужащих германской армии, обвиняемых в зверских издевательствах и массовом уничтожении мирных советских граждан и военнопленных, в угоне советских людей на рабский труд в фашистскую Германию, в уничтожении и разграблении народного добра в период временной оккупации территории Белорусской ССР.

Зал заседания суда переполнен трудящимися гор. Витебска и Витебской области. На скамье подсудимых 10 военных преступников. В их числе генерал пехоты Гольвитцер Фриц — бывший комендант Витебского укрепленного района, генерал-лейтенант Хиттер Альфонс, генерал-майор Мюллер-Бюлов, полковник Дилльманн Ганс — бывший комендант Витебского лагеря военнопленных, полковник Шмидт Ганс и другие.

Немецких военных преступников судит Военный Трибунал Прибалтийского военного округа под председательством полковника юстиции Панкратьева в составе членов суда подполковника юстиции Ситникова, подполковника юстиции Москатова, запасного члена Трибунала майора юстиции Николаева. Государственное обвинение поддерживает прокурор генерал-майор юстиции Смирнов. Защищают подсудимых адвокаты Ляльков, Назаров, Четыркин, Клюканов, Рождественский, Стуков.

Общий вид суда. Фото И. Гущина (Из фондов ВОКМ)

На вопрос председательствующего к представителю государственного обвинения, защиты и подсудимым, есть ли отводы составу суда, стороны и подсудимые отвода не заявили. Затем зачитывается обвинительное заключение. На вопрос председательствующего к обвиняемым, признают ли они себя виновными, все подсудимые, исключая Хиттера и Дильманна, виновными себя признали. На этом первое заседание Военного Трибунала закрывается.

Утреннее заседание 30 ноября

Утреннее заседание 30 ноября началось допросом подсудимых. Первым дает показание фельдфебель Рух Герман — бывший командир взвода команды охраны лагеря, организованного при 4-й авиаполевой дивизии 53 армейского корпуса для насильственной мобилизации советских граждан. Отвечая на вопросы прокурора, подсудимый Рух сообщает, что он по приказу бывшего командира 53 армейского корпуса, подсудимого генерала Гольвитцера вместе с другими военнослужащими из охраны лагеря бил и расстреливал советских граждан, насильно мобилизуя для строительства оборонных сооружений. Всего в этом лагере, по показаниям Руха, было расстреляно, погибло от голода, болезней и издевательств 700 советских граждан. В мае 1944 года лагерь посетил генерал Гольвитцер.

Прокурор: Доложите суду о ваших личных преступлениях, совершенных в этом лагере.

Рух: Я лично утром выгонял заключенных из барака на работу и при этом избивал их. Проводил много времени в бараках, где удерживались девушки. Я насиловал их, как и другие из охраны лагеря.

Прокурор: Можете вы вспомнить, сколько было таких случаев?

Рух: Вспоминаю семь случаев.

Прокурор: Сколько из этих девушек вами расстреляны?

Рух: Расстрелял четырех.

Прокурор: Сколько вами было расстреляно мужчин и женщин?

Рух: Я расстреливал мужчин за то, что они не могли больше работать по причине бессилия.

Прокурор: На предварительном следствии вы показали, что имели намерение расстрелять и оставшихся девушек, изнасилованных вами. Что помешало вам совершить это преступление?

Рух: Я больше не мог. Моя совесть не позволила это сделать. (Смех в зале).

Показания суду дают свидетели Мария Куриленко и Альфреда Кублицкая. Обе они удерживались в лагере для советских граждан вблизи Суража. Они рассказывают суду о нечеловеческих условиях, в которых приходилось жить советским людям. Голодных, обессиленных, выгоняли их в 5 часов утра и принуждали работать до поздней ночи. В лагере ежедневно умирало до 10 человек. Свидетели рассказывают

о фактах зверского избиения советских граждан, об изнасиловании женщин, которые совершались подсудимыми Рухом и другими военнотрудовыми в лагере.

Далее суд переходит к допросу фельдфебеля Гюнтера Курта, который принимал активное участие в карательных экспедициях. Курт Гюнтер — воспитанник фашистской организации «Гитлеровская молодежь». Подсудимый подробно перечисляет все случаи массовых расстрелов советских граждан, сожжения деревень, грабежей, в которых ему приходилось принимать участие.*

— Я действовал по приказу командования, — говорит подсудимый. — Генерал Мюллер-Бюлов подписал приказ, который позволял немецким солдатам и офицерам расстреливать советских граждан, грабить их имущество, сжигать их дома. Этот приказ вполне соответствует моим убеждениям.

В деревне Чановичи Бешенковичского района Витебской области во время карательной экспедиции было расстреляно 8 человек, лично Гюнтер расстрелял 3. В следующих карательных экспедициях им было расстреляно еще 7 советских граждан, в том числе двое детей.

Подсудимый унтер-офицер Буцбах Леонгард показал на суде, что он служил в команде по разрушению и сожжению деревень на временно оккупированной территории. Он принимал участие в расстреле 182 советских граждан. На вопрос председательствующего, сколько мирных граждан расстреляно лично Буцбахом, последний цинично ответил: «Точно не помню, много». Этот фашистский выкормыш, прижатый к стене показаниями свидетелей, вынужден был признать, что он зверствовал, мучил и убивал ни в чем не виноватых советских граждан не только по приказу высшего командования, но и по личной инициативе.

— Убивая русских, я ощущал особенное удовлетворение, — заявил наконец он.

Опрошенный после этого Адам Филипп полностью признал себя виновным в зверских убийствах военнопленных и мирных граждан, в многочисленных грабежах, сжигании деревень, в нечеловеческих издевательствах, которым он и его соотечественники подвергали своих жертв. Принимая участие в карательных экспедициях, подсудимый Адам, по его личному признанию, расстрелял 130 человек, 2 повесил и сжег более 20 домов. Уточняя факты массовых расстрелов в лесу неподалеку от деревни Добромисли большой группы мирного населения, представитель обвинения подполковник юстиции Постревич задал подсудимому несколько вопросов.

Представитель обвинения: Расскажите, каким образом вы захватили большую группу мирных граждан.

Адам: Нашей ротой прочесывался лес. В нем было задержано 230 человек.

Представитель обвинения: Что это были за граждане?

Адам: Это были юноши и старики.

Представитель обвинения: Пробовали ли вы узнать, что это были за люди?

Адам: Нет.

Представитель обвинения: Что вы с ними сделали?

Адам: Большинство из них были расстреляны.

Представитель обвинения: Всех расстреляли или кого-нибудь из задержанных повесили?

Адам: Я повесил двух комиссаров.

Представитель обвинения: Почему вы думаете, что это были комиссары?

Адам: Они были одеты в лучшую одежду.

Свидетель Анна Михайловская, житель деревни Шевино Старосельского сельсовета Витебского района, рассказала суду, как при непосредственном участии подсудимого Буцбаха в окрестностях деревни Шевино было расстреляно много мирных советских граждан.

— Немцы собрали находившихся в лагере более 300 мужчин и женщин и повели их в лес, где поставили усиленную охрану. Мой муж случайно узнал о том, что ночью нас всех немцы будут расстреливать. Мне, мужу и еще 10 человекам удалось убежать из-под охраны и спрятаться. Вскоре мы слышали автоматную и винтовочную стрельбу.

О массовых истязаниях мирных советских граждан, о расстреле советских людей в Витебском лагере рассказал суду свидетель Пудов Виктор.

К столу подходит пожилая колхозница из сельхозартели имени Кирова Богушевского района Ирина Прокофьевна Шебеко.

Председательствующий: Расскажите, что немцы делали в вашей деревне.

Шебеко рассказывает: В 1943 году немцы на трех машинах приехали в деревню Шевино и начали поголовно избивать всех людей. Потом установили пулеметы и расстреляли 80 человек. Среди них были старики и дети. Меня и дочку немцы ранили. Мы отползли в траву и там лежали до вечера. Потом нам удалось спрятаться. Благодаря этому мы остались в живых. Среди расстрелянных были дети в возрасте 8 месяцев, были старики по 70 и более лет. Это было 12 октября 1943 года. Другая моя старшая дочь была насильно угнана в Германию, и о ней мне до этого времени ничего неизвестно.

Показаниями свидетеля Шебеко заканчивается утреннее заседание 30 ноября.

БЕЛТА (Газета «Віцебскі рабочы», 2 декабря 1947 г.)

Когда волки заговорили о совести

Допросом подсудимого Германа Рух<a> начался второй день судебного процесса над немецко-фашистскими преступниками.

Со скамьи подсудимых встает бывший фельдфебель бывшей гитлеровской банды громил. Пойманный и посаженный на скамью подсудимых, фашистский волк начинает вихлять хвостом. Он уже готов даже не разделять «политические взгляды» своих друзей по кровавым делам. Фельдфебель «отмежевывается» и от своих генералов, которые сидят здесь же рядом с ним. Он, бывший командир взвода команды одного из лагерей смерти, которых так много наделали немецкие изверги на территории Витебщины, охотно рассказывает суду.

— Люди сначала жили в лагере под открытым небом. Потом они построили себе комнаты... Когда их брали в лагерь, им ничего не позволялось брать с собой... Им давали один литр воды-чая, это было утром, часов в 5, и потом вечером — суп и 300 граммов хлеба. — И таким же голосом он дополняет: «Часто этот суп люди выливали под ноги начальству».

И волк, напялив на себя овечью шкуру, взирает при этом на остальных волков, полковников и генералов не существующей уже банды.

... Герман Рух насильно выгоняет на работу заключенных. Он избивает мужчин, женщин, подростков, больных... Он ходит по баракам и выискивает красивых девушек. Насилует их.

— А сколько таких насилий на вашем счету?

— Семь случаев.

— И после вы расстреливали своих жертв?

— Так точно, чтобы они не могли рассказать о случившемся с ними. — И насильник-душегуб, усмехнувшись, дополняет: «Но я же только четырех расстрелял. Моя совесть не позволила мне расстрелять остальных».

В зале слышны проклятия. Сотни присутствующих на судебном процессе витеблян поворачивают головы к этому выродку человеческого рода.

— Гад, и он еще говорит о своей совести!

Однако список жертв этого душегуба далеко не кончается четырьмя изнасилованными им девушками. Судом устанавливается факт убийства Германом Рухом еще пятерых советских граждан.

— Зачем же вы их?

— Они не могли работать... Они были обессиленными.

О том, что в Суражском лагере немецкие палачи издевались над ни в чем не повинными людьми, на суде рассказывала свидетель Мария Семеновна Куриленко, которая также долгое время находилась в этом лагере смерти.

— Мы жили, как быдло. Ни у кого не было ни одежды, ни обуви. Спали на земле. Немцы били палками не только тех, кто, на их взгляд, плохо работал, но и тех, кто не мог работать по причине болезни, обессиленных. Они расстреливали всякого, кто не нравился

им. В бараках господствовал тиф и другие болезни. Из барачников мы выносили почти каждый день по 7-10 мертвых. В лагере были дети, и над ними также издевались немецкие солдаты...

Суду ясно. И суд переходит к допросу подсудимого Курта Понтера, ефрейтора гитлеровской роты карателей, которая действовала в селах Бешенковичского района. Этот душегуб с детства приучался к гитлеровской профессии. В 16 лет он вступил в организацию «Гитлерюгенд», и, пройдя эту школу ненависти к советскому народу, он в 1940 году входит в армию гитлеровских громил. В конце 1943 года прибывает с карательным отрядом на Витебщину и продолжает здесь свою деятельность. Отряд, в котором он находится, поджигает деревни одну за другой. Во время пожаров Курт Понтер и его молодчики расстреливают людей. В Чановичах он лично убивает 8 советских граждан.

— Кто были эти 8 граждан?

— Мужчины.

— За что их расстреляли?

— По подозрению в связи с партизанами.

— А двое детей и три женщины, которых вы расстреляли в группе семи человек в феврале 1944 года, также были подозреваемы в связях с партизанами?

Подсудимый молчит. Проходит минута, и потом он цинично дополняет:

— Мы практиковались в стрельбе из личного оружия.

Такая волчья совесть этих выродков человечества.

Н. Макаев

(Газета «Віцебскі рабочы», 2 декабря 1947 г.)

Пришло время расплаты

Высшая раса!

Не-ет! Этими словами можно оскорбить гиену и шакала, в поведении которых есть нечто более благородное.

Высшая раса!

Вот представители ее стоят сегодня перед великим и справедливым судом. Душегубы, человеконенавистники! От них отрекся весь действительно цивилизованный мир, и именем его, именем миллионов замученных и искалеченных людей сегодня народ страны судит этих выродков человечества.

Они хотят прикинуться ягнятами, безвинными и несчастными людьми. Но от них еще тянет духом человеческой крови, дымом от сожженных ими в печах «освенцимов» и «майданеков» миллионов ни в чем не повинных людей.

Тысячи жутких фактов, миллионы непровержимых документов, живые люди-свидетели будут обвинять их дела.

Мы помним все.

Мы помним, как эти выродки гонялись за нашими людьми и разрывали пополам их хилые детские тельца, кидали их живыми в огонь, ставили под автоматы в качестве мишени.

Мы не забыли ничего, что совершали эти душегубы на нашей земле. Мы помним, как на Витебщине они уничтожали все живое и неживое.

Сегодня у них спрашивают живые свидетели жуткой трагедии.

— Я спрашиваю, — говорит Василий Дордынов, — за что они расстреляли евреев местечка Ляды.

Это было в марте 1942 года. В местечко ранним утром прибыл немецкий отряд «СС». Немцы остановились около школы, в которой находилось уже свыше тысячи арестованных евреев. Который день арестованные не видели ни хлеба, ни воды! Командир отряда, собачье имя которого трудно запомнить, но он такой же, как и эти, что сидят на скамье подсудимых, приказал выводить на улицу по 20-30 человек, организовав массовое избиеание. Потом по 150-160 человек их погнали за реку Морея, где находился противотанковый ров. Разутые, раздетые женщины, мужчины, старики и дети, юноши и девушки насильно загонялись в ров. Им приказали ложиться, и потом сверху в лежачих они стреляли из автоматов. Следующую сотню людей немцы клали на расстрелянных. До трех часов дня было расстреляно больше тысячи ни в чем не повинных мирных жителей местечка.

— Я спрашиваю у них, немецких палачей, — говорит колхозник Дубов Федор из деревни Лосевки, — за что они расстреляли и закопали живыми десятки моих односельчан. Что им сделала моя четырехлетняя дочь Раиса, двухлетний сын Михаил, моя жена и мать? Что сделала молодая девушка Нина Коренченко? За что они убили ее? Я не забыл и никогда не забуду тот день. Мы прятались в ближайшем лесу. Жили в землянках почти всем селом. Мы прятались от немцев, хуже, чем от волков. И они нашли нас. 18 февраля 1944 года мы, мужчины, ушли в глубину леса, чтобы не попасть в лапы этому зверью. И вот слышим сначала сильный взрыв, а потом крики и стоны людей. Мы прибежали к своим землянкам. Они дымились. Они были разрушены.

— Дяденьки, откопайте нас! — стонала маленькая девочка Галина Лобонева. Мы спасли ее и ее мать от смерти. В других землянках мы нашли 22-х мертвых. Многие наши семьи были расстреляны, многие заживо похоронены в разрушенных землянках.

— Я спрашиваю, — говорит жительница деревни Лужесно Валентина Селезнева, — за что они загнали нас в лагерь и заставили копать для них траншеи, строить дзоты, устанавливать проволочные заграждения. Я спрашиваю, зачем и по чьему приказу немецкий солдат однажды схватил молодую девушку, отвел ее в сторону и застрелил.

Зачем? Только за то, что у нее сломалось лезвие лопаты, которой она день и ночь копала землю...

— За что они, — спрашивает учитель Тадулинской начальной школы Ефим Фанкевич, — расстреляли моего племянника Фанкевича Ивана и одного из лучших моих учеников — Ваню Платоненко? За что они кинули в лагерь смерти и меня, и мою жену, и многих других жителей нашей деревни?

Тысячи фактов, миллионы живых свидетелей сегодня предъявляют этим душегубам свой счет.

Пришел час расплаты!

Н. Днепров

(Газета «Віцебскі рабочы», 2 декабря 1947 г.)

На вечернем заседании 30 ноября Военный Трибунал приступил к допросу подсудимого Мюллер-Бюлова Клауса, бывшего генерал-майора германской армии, который командовал 246 пехотной дивизией 53 армейского корпуса. После протяженного пребывания в немецкой армии Мюллер-Бюлов демобилизовался в 1920 году и занялся торговлей. Однако идея реванша не дала покоя этому «вояке, воспитанному в духе воинственных традиций пруссачества». С приходом Гитлера к власти Мюллер-Бюлов в апреле 1933 года вступает в фашистскую партию, а вскоре возвращается в германскую армию. Этот убежденный фашист с пунктуальной точностью выполнял все присылаемые приказы высшего командования и сам издавал приказы, которые обязывали личный состав дивизии без суда и следствия расстреливать мирных советских граждан, сжигать населенные пункты, а при отступлении уничтожать все на своем пути.

Вторгшись на территорию Советского Союза в чине подполковника и командира пехотного полка, Мюллер-Бюлов выслужился до чина генерал-майора. По приказу Мюллер-Бюлова в июне 1944 года в деревне Шевино Витебского района было расстреляно 70 мирных граждан, а в районе деревни Бороники этого же района — 10 мирных жителей. Перед расстрелом их заставляли копать себе яму. Нелыханным зверством был отмечен путь отступления частей дивизии. «Командирам оборонительных пунктов при отходе уничтожать жилые дома, бункеры, гражданские сооружения, заводы и другие сооружения», — гласил приказ Мюллер-Бюлова, данный им частям своей дивизии в июне 1944 года. В исполнение этого преступного приказа были взорваны витебский вокзал, множество промышленных предприятий, городской театр, большое количество многоквартирных домов. Много жилых домов было разобрано на строительный материал для оборонительных сооружений. На пути отступления частей 246 дивизии от станции Летцы в направлении районного центра Бе-

шенковичи были уничтожены все населенные пункты. Затем суд переходит к допросу обер-лейтенанта Клуце Генриха, который командовал во время войны истребительной ротой 53 корпуса. Этот убежденный фашист имеет большой стаж пропагандистской работы в разных нацистских организациях, в которых он подвизался до войны в качестве агитатора. По признанию Клуце, он, будучи на Восточном фронте в качестве командира истребительной роты, провел 6 карательных экспедиций, во время которых под видом борьбы с партизанами уничтожалось мирное советское население, сжигались населенные пункты, имущество мирных граждан подвергалось разграблению, а жители угонялись на рабский труд в Германию. Только на территории Черниговской и Витебской областей Клуце лично было расстреляно 100 человек, в том числе старики, женщины и дети. Допросом подсудимого Клуце заканчивается вечернее заседание 30 ноября.

Утреннее заседание 1 декабря началось показаниями свидетеля Анны Федоровны Тепляковой. Советская женщина рассказывает суду о зверских расправах, которым подверглись мирные жители со стороны солдат истребительной роты Клуце. Затем дает показание свидетель Серафим Тарасович Суходолов. Он опознает обер-лейтенанта Клуце, который изнасиловал в деревне Пудость 13-летнюю девочку в то время, как солдаты его истребительной роты грабили деревню и поджигали дома. Об этом же говорит и свидетель Иван Ильич Павлюченко. 14 ноября 1943 года в деревню Алексиничи прибыла истребительная рота. Солдаты окружили деревню и начали ее поджигать, а жителей убивать. Много людей, особенно детей, стариков и больных, сгорели живыми.

Допрашивается бывший начальник штаба 53-го армейского корпуса полковник Шмидт Ганс, который разрабатывал совместно с генералом пехоты Гольвитцером преступные приказы о насильной мобилизации мирных советских граждан для строительства оборонительных сооружений, угоне трудоспособного населения на фашистскую каторгу в Германию, о массовом уничтожении мирных жителей временно оккупированных советских территорий. По его приказу было угнано на рабский труд в Германию из гор. Витебска 4800 советских граждан. По приказу Шмидта все нетрудоспособное население гор. Витебска, в том числе больные, были согнаны в лагерь смерти, который размещался на окраине города. Шмидт приказал вывести более 12 тысяч больных в район Богушевска на передовую линию и выставить их в качестве «живого заслона» для прикрытия отступления немецких войск, а также для заражения советских войск и мирных жителей инфекционными заболеваниями. При этой операции немцы расстреляли более 4 тысяч человек. За свои «подвиги» Шмидт был награжден крестами 1 и 2 класса, Немецким крестом в золоте и медалью.

Трибунал переходит к допросу бывшего командира 53-го армейского корпуса генерала пехоты Гольвитцера, занесенного Государственной Чрезвычайной Комиссией в списки военных преступников. На службе в германской армии он находился непрерывно на протяжении 36 лет. Во время оккупации Польши и Франции Гольвитцер командовал сначала пехотным полком, а потом дивизией. Уже в 1939 году он был переведен в чин генерала и отмечен наградами. Из дальнейшего допроса подсудимого выявляется, как он на практике с немецкой педантичностью насаждал гитлеровский «новый порядок» на советской территории, временно оккупированной немцами. Это по его приказу уже в первые месяцы войны части 83 пехотной дивизии, которой он командовал, отобрали у колхозников Курской области урожай с 10 тысяч гектаров. Уборка и обмолот хлеба производились мирным населением в принудительном порядке. Это он, Гольвитцер, создал специальные лагеря, в которые были согнаны сотни тысяч мирных советских граждан, а также военнопленных Советской Армии. В этих лагерях, огражденных колючей проволокой, был создан каторжный режим. Люди работали по 15 часов в сутки, получая по 150 граммов хлеба и пол-литра недоброкачественной баланды. Прибыв в район Витебска в октябре 1943 года, Гольвитцер организовал в каждой дивизии 53 корпуса такие же лагеря, в каждом из которых удерживалось по 800-1000 мирных советских граждан. Массовые издевательства и расстрелы советских людей, в том числе женщин и детей, подсудимый Гольвитцер объясняет наличием об этом приказов вышестоящего командования.

Прокурор: Неужели в приказах высшего командования конкретно указывалось, что надо обязательно сжигать и убивать грудных детей? Назовите такой приказ.

Гольвитцер: Был приказ о том, что при отступлении надо разрушать все хозяйственные строения и дома, а также о расстреле всех лиц, подозреваемых в связях с партизанами.

Прокурор: Но как можно подозревать грудных детей? (Смех в зале).

Гольвитцер: Конечно, это невозможно. Когда такие случаи были, то это были несчастные случаи.

Трибунал изобличает Гольвитцера в том, что им лично издавались приказы о принудительном угоне трудоспособного советского населения на рабский труд в Германию, о расстреле советских граждан.

Допросом подсудимого Гольвитцера закончилось утреннее заседание 1 декабря. На вечернем заседании 1 декабря был допрошен подсудимый Дилльманн, бывший полковник германской армии. Под тяжестью неопровержимых улик, несмотря на всякие увертки и отрицание своей вины, Дилльманн вынужден был признать, что по его приказу в Витебском лагере смерти, где он был комендантом, было замучено более 100 тысяч советских граждан. Свидетели Матышева и Галидова опознали подсудимого Дилльманна как бывшего начальника лагеря и непосредственного руководителя всех чинимых в лаге-

ре зверств и убийств советских граждан. На суде со свидетельскими показаниями выступил житель городского поселка Богушевска Оберенко Гавриил Петрович. Последний рассказ о разрушенных гитлеровцами в городе Витебске исторических ценностях — Покровской церкви, построенной 800 лет тому назад, Николаевском кафедральном соборе, имеющем 700-летнее прошлое, и многих других. Свидетель М.В. Денисова, член областной комиссии по расследованию немецко-фашистских зверств, сообщила итоги вскрытия мест массового захоронения замученных советских людей на территории бывшего лагеря военнопленных. В раскопанных 300 могилах выявлено свыше 80 тысяч трупов советских военнопленных и мирных жителей.

Утреннее заседание 2 декабря началось с допроса подсудимого Хиттера, бывшего командира 206 немецкой дивизии. Оpozнавшие немецкого генерала свидетели Дроздова, Никоненко, Васильева, Данилов рассказали суду о неслыханных зверствах и массовых расстрелах, которые вытворялись под непосредственным руководством Хиттера. Хиттер — это активный убийца нашего народа, старый, истребованный гитлеровец.

На вечернем заседании после свидетельских показаний врача Кардаша о зверских пытках советских граждан в Витебске начались прения сторон. С обвинительной речью выступил государственный обвинитель генерал-майор юстиции т. Смирнов.

Сегодня прения сторон продолжаются, после чего суд перейдет к окончательному решению дела.

(Газета «Віцебскі рабочы», 3 декабря 1947 г.)

Государственный обвинитель — прокурор Белорусского военного округа, генерал-майор юстиции Смирнов в своей речи привел факты неслыханных преступлений, причиненных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР. Он говорит, что все подсудимые по данному процессу являются участниками фашистского заговора против человечества и виновниками страшных преступлений. Ни в чем не повинные мирные жители города Витебска, городов и сел Витебской области, где были размещены части 53 армейского корпуса, которым командовал Гольвитцер, расстреливались, заживо сжигались, морились голодом, холодом, мучились и насиловались солдатами и офицерами. Для строительства оборонительных линий были согнаны в лагеря сотни тысяч советских людей, в том числе престарелые, подростки, беременные женщины и больные, которых нередко заставляли работать в зоне артиллерийского, минометного и пулеметного огня. Немногим удалось пережить этот каторжный, нечеловеческий труд. Только в одном Витебском лагере немцы умертвили 100 тысяч человек.

— Гитлеровские командиры типа Гольвитцера, Хиттера и других, — продолжает прокурор, — додумались использовать боль-

ных тифом и другими инфекционными заболеваниями советских граждан в качестве «живого заслона» для прикрытия отступления немецких войск и для заражения успешно наступавшей Советской Армии и мирного населения. Гитлеровцы убили и замучили в Витебске и области 154421 советского гражданина, 92891 военнослужащего, 68434 советских гражданина угнали в немецкое рабство. Государственная Чрезвычайная Комиссия определила потери, нанесенные немецко-фашистскими захватчиками и их соотечественниками гражданам, колхозам, промышленным предприятиям и общественным организациям Витебской области в сумме свыше 25 миллиардов рублей. Остановившись на конкретной вине каждого из подсудимых, государственный обвинитель подчеркнул, что в ходе судебного следствия полностью подтвердилась вина подсудимых в соответствии с обстоятельствами дела, изложенными в обвинительном заключении.

— Попытки некоторых обвиняемых, — говорит государственный обвинитель, — выгородить себя доводами о выполнении в порядке воинской субординации приказов своих начальников, не могут быть признаны основательными. Во-первых, приказы об уничтожении мирного населения, об уничтожении сел и городов, памятников старины сами по себе преступны и не могут быть признаны военными приказами в принятом понятии этого слова. Во-вторых, следует помнить, что Декларацией об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства, опубликованной правительствами Союза ССР, США и Великобритании 2-го ноября 1943 года, германские солдаты, офицеры и генералы предупреждались, что за совершенные ими преступления они ответственны, будут судимы и наказаны по закону тех стран, где они совершили преступления. В ст. 8 Нюрнбергского Международного трибунала сказано: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает от ответственности».

— От имени белорусского народа, пережившего неслыханные преступления немецко-фашистских захватчиков в тяжелые годы немецкой оккупации, — говорит в заключении государственный обвинитель, — я прошу Военный Трибунал признать Гольвитцера, Шмидта, Хиттера, Мюллер-Бюлова, Дилльманна, Клуте, Руха, Буцбаха, Понтера и Адама виновными по статье 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года назначить всем им меру наказания по 25 лет лишения свободы каждому.

(Газета «Віцебскі рабочы», 5 декабря 1947 г.)

Приговор Военного Трибунала

Вечером 3 декабря был зачитан приговор Военного Трибунала.

Изучив и проверив все факты, собранные по делу о преступлениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками на территории города Витебска и области, материалы предварительного следствия, показания свидетелей, заслушав речи государственного обвинителя и защиты, объяснения и последние слова подсудимых, Военный Трибунал установил:

Все подсудимые по этому делу принимали активное участие в неслыханных преступлениях на временно оккупированной советской территории. По Витебской области гитлеровцами было убито и замучено около 250 тысяч граждан и военнопленных, угнано на рабский труд в Германию около 70 тысяч человек. В городе Витебске почти полностью уничтожен жилой фонд, промышленные предприятия, педагогический и медицинский институты, Дом Советской Армии, городской театр, больницы, поликлиники и другие организации, разрушено 8 церквей и соборов — исторических памятников XI—XII веков. В колхозах области было уничтожено свыше 46 тысяч строений, в том числе 666 клубов и Красных уголков, 253 детских учреждения, 2828 зданий производственно-промышленного значения. Вывезено в Германию и частично уничтожено свыше 50 тысяч разных сельскохозяйственных машин и много другого сельскохозяйственного инвентаря, свыше 185 тысяч голов крупного рогатого скота, свыше 100 тысяч коней и огромное количество других животных, птицы и сельскохозяйственных продуктов. В области уничтожено 205 больниц, 456 театров-клубов, 1076 школ, 11 научных учреждений и 111 библиотек.

Общие потери, нанесенные немецко-фашистскими захватчиками по Витебской области, выражаются суммой более 25 миллиардов рублей.

В совершении указанных выше преступлений принимали активное участие Гольвитцер, Шмидт, Хиттер, Мюллер-Бюлов, Дилльманн, Клуце, Рух, Буцбах, Гюнтер и Адам.

Военный Трибунал признал всех подсудимых виновными в преступлениях, предусмотренных статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года. Руководствуясь ст. ст. 319 и 320 Криминально-процессуального кодекса Белорусской ССР и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года, Военный Трибунал приговорил:

Гольвитцер<a> Фрица, Шмидт<a> Ганса, Хиттер<a> Альфонса, Мюллер-Бюлова Клауса, Дилльманн<a> Ганса, Клуце Генриха, Рух<a> Германа, Буцбах<a> Леонгарда, Гюнтера<a> Курта и Адам<a> Филиппа — каждого к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет.

Присутствующие в зале трудящиеся города Витебска и области встретили приговор с единодушным одобрением.

БЕЛТА (Газета «Віцебскі рабочы», 5 декабря 1947 г.)

***

В заключение следует сказать несколько слов о фотографе, который запечатлел для истории судебный процесс в Витебске, — Иване Ивановиче Гушине (1904-?). Именно его две фотографии воспроизводятся в этой книге. И. Гушин являлся уроженцем Москвы, выпускником Московского института кинематографии (1928 год), с 1934 г. — Всесоюзного государственного института кинематографии — ВГИКа. Он несколько лет работал кинооператором, а с 1931 г. служил в Красной Армии. Демобилизовавшись, работал на кинопроизводстве «Государственный институт кино» и в фотокинокабинете Московского института стали, а с 1936 г. — фотокорреспондентом журнала «Смена». В годы Великой Отечественной войны И. Гушин служил в Красной Армии в качестве техника по фото 16-й Воздушной армии. Демобилизовавшись в 1946 г., он исполнял обязанности представителя (фотокорреспондента) журнала «Смена» по Витебской области. Не исключено, что именно для этого журнала Иван Иванович и фотографировал ход судебного процесса в Витебске и несколько фотографий передал в Витебской областной краеведческий музей. В этой организации незначительный период (с апреля по сентябрь 1948 г.) И. Гушин был оформлен научным работником (по совместительству). В фондах областного краеведческого музея ныне хранятся несколько десятков фотографий, выполненных им в 1946-1948 гг. На них запечатлен разрушенный город, работы по его восстановлению. (Биографический материал об И. Гушине предоставлен главным хранителем фондов Витебского областного краеведческого музея Ольгой Давидовской).

Послесловие

Закончить книгу о судебном процессе над немецко-фашистскими преступниками в Витебске считаю необходимым информацией о дальнейшей судьбе трех осужденных.

Сейчас этот приговор — 25 лет лагерей — кажется слишком мягким, особенно, если учесть, что, например, в Минске 14 обвиняемых приговорили к смертной казни и публично повесили на территории ипподрома. Дело в том, что судебный процесс в Минске состоялся гораздо раньше, чем в Витебске. А 26 мая 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «Об отмене смертной казни», которым это наказание было признано не применяющимся в мирное время [15]. Нет никакого сомнения в том, что если бы не это Постановление, то кое-кто из подсудимых в Витебске (а может быть, и все!) тоже мог быть приговорен к смертной казни.

Допрос генералов Хиттера и Гольвитцера

Фридрих-Вильгельм Гольвитцер родился 27 апреля 1889 г. в городе Булленхейме. Начал воинскую службу в 1908 г., участвовал в первой мировой войне. Во времена гитлеризма продолжал служить в вермахте, постоянно продвигаясь по служебной лестнице. Участник аннексии Австрии, нападения на Польшу. Перед началом Великой Отечественной войны некоторое время служил в оккупационных войсках во Франции. Во время Великой Отечественной войны участвовал в сражениях за Харьков, Воронеж, под Курском. К этому времени он уже был удостоен многих военных наград: Железных крестов 1-го и 2-го класса (1914, 1915), Почетного креста (1935), медали за аншлюс Австрии (1939). За взятие Польши Гольвитцер был еще раз удостоен всех Железных крестов, а уже во время войны в СССР — медали Восточного фронта, Немецкого креста в золоте (25 января 1943), Рыцарского креста. 8 февраля 1943 г. Гольвитцер стал генерал-лейтенантом и командиром 88-й пехотной дивизии. Он был взят в плен 28 июня 1944 г. неподалеку от Витебска. Его «отловил» разведчик из 464-го артиллерийского полка 164-й стрелковой дивизии младший лейтенант Николай Якимов. Сохранилась фотография, на которой генерал пехоты вместе с генерал-лейтенантом Хиттером запечатлен во время допроса вскоре после пленения. Этот эпизод описал автор книги об И. Черняховском А. Шарипов: «Черняховский, выбрав момент, предложил представителям Ставки маршалу Василевскому и генерал-полковнику авиации Фалалееву принять участие в допросе пленных немецких генералов. Василевский жестом указал генерал-полковнику Гольвитцеру, чтобы тот сел на скамейку с другой стороны стола.

Допрос генерала Хиттера

— Вы лично верили в победу немецких войск в войне с Советским Союзом? — задал вопрос член Военного совета фронта Макаров.

— Верил.

— И в настоящее время продолжаете верить?

— Нет, Гитлер допустил крупные просчеты.

— Гитлер был прав или ошибался, когда приказывал вам оборонять Витебск до последнего солдата? — спросил Черняховский.

— Да, в данном случае он был прав. Состояние укреплений Витебска позволяло обеспечить неприступную оборону.

— Если оборона Витебска действительно была неприступной, как же случилось, что вы сдались в плен советским войскам?

— Дивизии вверенного мне корпуса удерживают Витебск, я же попал в плен случайно, в результате неосторожности при посещении пунктов управления подчиненных частей, — Гольвитцер обратил внимание на улыбки советских военачальников. — Впрочем, я прошу проинформировать меня об истинном положении дел в районе Витебска.

— Товарищ командующий, выходит, он не знает обстановки и со своими генералами в плену не встречался? — обратился Василевский к Черняховскому.

— Да, они содержатся изолированно.

— Прикажете привести подчиненных ему генералов, пусть у них узнает подробности.

Появление генерала Хиттера, командира 206-й пехотной дивизии, повергло

Гольвитцера в уныние.

— Генерал Хиттер, подтвердите, что отныне 53-го пехотного корпуса немецкой армии не существует, что он разгромлен и пленен войсками 3-го Белорусского фронта, — потребовал Черняховский.

— О да, корпус разгромлен! Вместе со мной в плену начальник штаба корпуса, — с готовностью отвечал Хиттер. — Мы были изумлены силой, наличием боевой техники, а также военным искусством русских под Витебском.

От прежнего высокомерия Гольвитцера не осталось и следа. У него стал вздрагивать подбородок.

— Генерал Гольвитцер, надеюсь, теперь вы согласитесь, что поражение немецких войск зависело не только от Гитлера? — спросил Василевский.

— Я над этим подумаю, — выдавил Гольвитцер.

— Молитесь богу, что остались живы. В плену вам больше и нечего делать, как только думать.

Да, гитлеровским генералам было о чем поразмышлять.

— Генерал Хиттер, скажите, как вы оцениваете события, происходящие на побережье Франции? — спросил Фалалеев.

— Англо-американский десант, высадившийся там, не беспокоит немецкий народ и его армию. Мы с большей тревогой наблюдаем за событиями на советско-германском фронте, в частности на Минском направлении».

Гольвитцер оказался пятым генералом, который попал в плен на территории Беларуси. А всего их было 22, включая троих «витебских».

В тот же самый день, что и Гольвитцер, 28 июня 1944 г., был пленен под Витебском и Альфонс-Алоис Хиттер. Он сначала отклонил ультиматум о сдаче в плен, но обстановка была такой, что надо было думать уже не о «чести», а о том, как спасти собственную шкуру. Поэтому очень быстро гитлеровский вояка передумал и... прикатил в плен на персональной легковой машине. Он родился 4 июня 1892 г. в городе Хошстатте в Эльзас-Лотарингии. Поступил на воинскую службу в 1914 г., но четыре года спустя оставил ее. Возвратился в 1922 г., быстро продвигался по служебной лестнице. В 1940 г. принимал участие в сражениях на территории Франции, а в годы Великой Отечественной войны — в боях у Белостока, Минска, Смоленска, под Москвой и Ржевом. Хиттер был награжден Железными крестами 1-го и 2-го класса (1914, 1916), Почетным крестом (1939), во время польской кампании — еще раз Железными крестами 1-го и 2-го класса, Немецким крестом в золоте (1943), Рыцарским крестом, Железным

*Немецкие генералы идут по Москве
(Гольбитцер — правый в первой шеренге, Хиттер — правый во второй шеренге)*

крестом с дубовыми листьями. 4 июня 1944 г. Хиттер был удостоен звания генерал-лейтенанта и назначен командиром 206-й дивизии.

Позже всех попал в плен Клаус-Максимилиан Мюллер-Бюлов. Это произошло 3 июля в лесу юго-восточнее Полоцка.

Все они осенью и зимой 1941 г. были уверены, что падение советской столицы вот-вот состоится и что они обязательно будут участниками победного парада в покоренной Москве. Им и в самом деле устроили парад... Правда, не такой, о котором генералы мечтали. 17 июля 1944 года, то есть спустя три с половиной недели после начала операции «Багратион» (по освобождению Беларуси), более 57 тысяч солдат и офицеров вермахта, плененных во время этой операции, прошли по центру советской столицы на глазах у десятков тысяч москвичей. Этот марш возглавляли 19 генералов, в том числе Гольбитцер, Хиттер и Мюллер-Бюлов. За ними шли десятки полковников, Ганс Шмидт в том числе. Немцы шли при чисто символической охране, в своей военной форме со всеми знаками отличия. Но их лица не светились от радости... Не о таком параде они мечтали... Они вынуждены были маршировать не только на глазах москвичей, но и своих собственных солдат. Это их настолько унижало, что все с трудом сдерживали слезы. А следом за этой огромной колонной, растянувшейся на многие километры, ехали поливочные машины с водой и щетками: они сметали следы гитлеровских вояк...

Все трое «витебских» генералов отбывали наказание в специальном лагере военнопленных №48. Он был создан в июне 1943 г., размещался в бывшем доме отдыха им. П. Войкова ЦК профсоюза железнодорожников в деревне Чернцы Лежневского района Ивановской области и состоял из двух зон: генеральской и для унтер-офицеров и солдат, обслуживавших лагерь и занимавшихся хозяйственными работами. В Чернцах собрали немецких, австрийских, румынских, итальянских, венгерских и японских генералов. За 13 лет существования через лагерь прошло около 400 генералов (в январе 1947 г. нем находилось 223 пленных генерала, из них 175 немцев, 35 венгров, 8 австрийцев, 3 румын, 2 итальянца). В генеральской зоне было 38 комнат. В каждой комнате в зависимости от ее размеров размещалось от 3 до 12 человек. В парке росли липы, были проложены пешеходные дорожки, летом на клумбах цвели цветы. В зоне разбили огород площадью около 1 га, в котором по желанию работали и генералы. Выращенные на нем овощи шли на дополнение к существовавшим нормам питания. А нормы питания были следующие: хлеба — 600 г в сутки, мяса — 120 г, рыбы — 50 г, масла — 40 г, сыра — 20 г, сахара — 40 г, картофеля — 400 г, свежих овощей — 200 г, кофе, чай, специи, сухофрукты. Ежедневный табачный паек равнялся 20 сигаретам высшего качества. «Свой» огород давал возможность улучшить питание пленных генералов, а больным был положен дополнительный паек, включавший мясо, молоко и масло. Это происходило в то время (во время войны и в первые послевоенные годы), когда основная часть населения страны вела полуголодное существование, когда продукты отпускались строго по карточкам и едва ли среди простого народа были люди, которые наедались досыта. Не случайно приказ (N 0751), по которому устанавливалась эта норма, являлся секретным. Отмечу, что военных преступников не только достаточно хорошо кормили, но и не забыли об их досуге: в лагере показывали кинофильмы, заключенные могли пользоваться богатой библиотекой и даже музицировать, а желающие — еще заниматься и самостоятельным художественным творчеством. Заключенным сначала разрешили ношение наград (правда, 3 ноября 1945 года оно было отменено). Они могли пользоваться и активно пользовались возможностью через Красный Крест посылать письма родным и получать на них ответы и даже посылки. Естественно, что все генералы были обеспечены своими собственными ординарцами и прочей услугой. Хорошо было поставлено и медицинское обеспечение (кстати, к услугам заключенных было предоставлено даже четверо массажистов, из числа пленных). Попыток к бегству среди генералов не было: каждый понимал, что это бессмысленно. Но случались и голодовки, участники которых протестовали против плохого обслуживания в столовой, недовыдаче продуктов, положенных по норме, отключения света и т.д.

Генералы вермахта подписывают воззвание к немецким офицерам

Не удивительно, что в таких вполне сносных условиях из 400 человек до освобождения, даже не отбыв срок наказания, дожили почти все. Только несколько человек скончались и были похоронены на специальном кладбище. В их числе был и генерал-майор Мюллер-Бюлов, умерший 5 февраля 1954 г. от сердечно-сосудистой недостаточности и нефросклероза.

«Витебские» генералы по-разному вели себя во время отбывания наказания. Похоже, что Гольвитцер и Мюллер-Бюлов все же осознали, что натворили гитлеровцы на оккупированной территории СССР. Они вступили в Национальный комитет «Свободная Германия», который возглавил фельдмаршал Паулюс. И вместе с еще почти 20 генералами подписали обращение к офицерам вермахта. Оно было опубликовано 25 июля 1944 года в газете «Красная звезда». Гольвитцер вообще активно сотрудничал с Паулюсом.

Совсем по-другому вел себя Хиттер. Напомню, что он вместе с комендантом концлагеря «5-й полк» Дилльманном были единственными, кто из обвиняемых на витебском процессе не признали себя виновными. Столь же убежденным нацистом он проявил себя и в заключении. Он вошел в число 48 реваншистски настроенных заключенных лагеря №48, которые устроили антисоветский заговор. Этот заговор выглядел достаточно комично, ибо никаких возможностей, например, для побега у заключенных не было. Едва ли они могли добиться и дальнейшего улучшения своего содержания. На мой взгляд, эта была безрезультатная попытка избавиться от чувства бессилия: ге-

нералы никак не могли смириться со своим поражением и пленом. Советское правительство поступило достаточно гуманно по отношению к нацистским военным преступникам. В 1955 г. пленные вермахта стали возвращаться на родину. 6 октября был передан властям ФРГ и освобожден Гольвитцер, 14 лет не досидев свой 25-летний срок наказания. Два дня спустя — 8 октября 1955 г. — был передан властям ФРГ и освобождён Хиттер. Получив четырехдневный сухой паек (копченая колбаса, масло, сыр, икра, консервы и конфеты), переодевшись в новые костюмы с галстуками (военная форма изрядно потрепалась, да и нельзя было их отпускать в этой ненавистной советским людям одежде), в драповое пальто, новые туфли и фетровые шляпы, генералы выехали в обычных пассажирских поездах в пересыльный лагерь №284 в Бресте, а из этого пограничного города — в пассажирских международных вагонах во Франкфурт-на-Одере.

После освобождения из плена Гольвитцер и Хиттер жили, естественно, в ФРГ. В 1964 г. прокуратура города Амберга (ФРГ) начала расследование относительно Гольвитцера в связи с предполагаемым его участием в военных преступлениях. Однако дело до суда не дошло. Затем в 1968 г. администрация по расследованию национал-социалистических преступлений Центрального управления государственной юстиции в Людвигсбурге получило письмо от ветерана вермахта, некоего Фердинанда Д., который обвинил Гольвитцера в совершении ряда преступлений во время вторжения в Польшу в 1939 году. В своем письме Д. заявил, что «деятельность 41-го пехотного полка под командованием полковника Гольвитцера представляла собой геноцид». Несмотря на то, что в Польше в то время практически не было никаких партизан, германские военнослужащие во главе с Гольвитцером сожгли не одну деревню только потому, что Гольвитцер считал, что это дело рук партизан. В заявлении указывалось на то, что в умах своих солдат Гольвитцер высказывал навязчивую идею о связи населения с партизанами. В частности, именно он был повинен в казни 18 поляков в деревне Торшени, где погибло трое немецких солдат. На самом деле эти солдаты стали жертвами огня германских военных. Несмотря на эти факты, прокуратура города Амберга решила отказаться от расследования. Гольвитцер умер в своей постели 25 марта 1977 г. в возрасте 87 лет.

В своей постели умер и Альфонс Хиттер. Это произошло 11 марта 1968 г. на 76-м году жизни.

Если судьбу «витебских» генералов проследить оказалось нетрудно, то судьбы остальных участников судебного процесса выяснить пока не удалось. Надеюсь, что рано или поздно мы о них все же узнаем.

Впрочем, главное не в этом. Судебный процесс в Витебске, как и другие подобные процессы, полностью доказал не только виновность конкретных подсудимых, но и многочисленные факты преступле-

ний, которые совершали военнослужащие вермахта и различных карательных организаций Германии на оккупированной территории СССР. На процессе в Витебске еще раз была изобличена звериная, античеловеческая сущность германского нацизма. Послевоенная Германия сделала надлежащий вывод из итогов второй мировой войны. Сейчас в ней пропаганда нацизма является уголовным преступлением. В Германии постоянно проводится работа среди молодежи по обличению нацизма, информированию о том, что он принес народам Европы. Хочется верить, что нацизм навсегда ушел в историю, что он уже никогда не возродится не только в Германии, но и ни в одном государстве мира. А конкретные военные преступники на судебном процессе в Витебске получили по заслугам: возмездие свершилось!

Примечания

1. Витебск. Историко-экономический очерк. — Мн., 1974. — С. 179-181.

2. Речь идет о здании, в котором в 1926-1941 гг. размещался Второй Белорусский государственный театр.

3. Историческая неточность. К XII веку относилась только Благовещенская церковь. Все остальные памятники были построены значительно позднее, в основном в XVIII веке.

4. В очередной раз повторяется и еще несколько раз будет повторяться все та же ошибка: в Витебске не было городского театра, а был Второй Белорусский государственный театр.

5. В очередной раз повторяется и еще несколько раз будет повторяться все та же ошибка: в XII веке была построена только Благовещенская церковь. Все остальные храмы построены значительно позднее, в основном в XVIII веке.

6. Покровский храм обычно именовался церковью, а не собором. Он является памятником архитектуры середины XVIII века, перестроен в середине XIX века.

7. В оригинале ошибочно написано «военнопленными».

8. Видимо, правильно — 1943 года.

9. АК — армейского корпуса.

10. БВО — Белорусский военный округ.

11. ПД — пехотная дивизия.

12. Денисова Мария Владимировна (1914-1989) — врач, заслуженный врач БССР (1966). Выпускница Минского мединститута (1937). При освобождении Витебщины от немецко-фашистских захватчиков возглавляла медсанчасть оперативной группы по Витебской области при Белорусском штабе партизанского движения. В 1943-1970 гг. — заведующая отделом охраны здоровья Витебского облисполкома,

затем заведующая кафедрой социальной гигиены и охраны здоровья Витебского мединститута. Награждена орденами Красной Звезды, «Знак Почета», Отечественной войны 2-й ст.

13. Кардаш Иван Брониславович (1919-1993) — работник здравоохранения, заслуженный врач БССР (1964). Закончил Свердловский мединститут (1942). Во время Великой Отечественной войны — организатор медико-санитарной службы партизанской бригады им. Кутузова в Витебской области. В 1943-1949 гг. — старший государственный санитарный инспектор Витебского облисполкома, заместитель заведующего облздравом. В 1949-1956 гг. — заместитель министра здравоохранения БССР по кадровым вопросам, в 1956-1974 гг. — главный санитарный врач, заместитель министра здравоохранения БССР, в 1970-1992 гг. — заведующий кафедрой общей гигиены Белорусского государственного института усовершенствования врачей. Кандидат медицинских наук (1968). Доцент (1970), профессор (1976). Автор более 60 научных работ и соавтор двух монографий. (Степаненко Н. Гордость здравоохранения Витебщины. — Вт., 2009. — С. 119).

14. Макаев Николай Акимович (1908-1975) — витебский журналист. Уроженец Дубровно, закончил Оршанское педучилище и Смоленский пединститут. Работал учителем в сельской школе, директором Зареченской начальной школы на Рязанщине, инспектором районо, директором детского дома. После Великой Отечественной войны — партийный работник в Орше, затем — корреспондент газет «Звезда» и «Віцебскі рабочы», редактор многотиражной газеты фабрики «ЗИ», организатор литературного объединения при газете «Віцебскі рабочы». Автор многочисленных басен, опубликованных в журнале «Вожык» и в «Библиотечке «Вожыка».

15. Его фактически отменили 12 января 1950 г., когда «по многочисленным просьбам трудящихся» был издан еще один Указ Президиума Верховного Совета СССР — «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам», который признал возможным применение смертной казни к поименным лицам.

Научно-популярное издание

Подлипский Аркадий Михайлович

ВОЗМЕЗДИЕ

Судебный процесс над немецко-фашистскими
преступниками в Витебске

Редактор С. В. Серебро
Технический редактор З. В. Цыганкова
Дизайн обложки и верстка С. В. Серебро
Корректор Н. С. Степанова

Подписано в печать 12.08.2013. Формат 62x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 4,32. Тираж 300 экз. Заказ 5158.

Издатель и полиграфическое исполнение:
унитарное полиграфическое предприятие
«Витебская областная типография».
ЛИ 02330/0494387 от 16.03.2009.
ЛП 02330/0494165 от 03.04.2009.
Ул. Щербакова-Набережная, 4, 210015, г. Витебск.

ISBN 978-985-534-042-4

9 789855 340424

**„МЫ ЗАСТАВИМ НЕМЕЦКИХ
ПРЕСТУПНИКОВ ДЕРЖАТЬ
ОТВЕТ ЗА ВСЕ ИХ ЗЛОДЕЯНИЯ!“**

К. СТАЛИН